

Долговечность машин

Огромный первоклассный парк машин, обслуживающих все отрасли народного хозяйства, постоянно пополняется новыми, более мощными машинами. Станкостроители увеличивают выпуск новейших автоматов, автоматических линий, автоматических станков. Техническое вооружение советской промышленности растет количественно и качественно.

Становятся осваивая новую технику, по-новому организуют производственные процессы, широко применяют скоростные методы работы: скоростное резание металла, скоростные плавки стали, скоростное бурение нефтяных скважин. На высокие скорости переходят станководы легкой, стекольной, цементной промышленности, водители поездов и т. д.

Рост производительности мощи оборудования, машин и скоростные методы труда увеличивают рабочую нагрузку на машины, особенно на их ответственные детали. Это требует постоянной заботы об увеличении надежности, долговечности механизмов, о повышении культуры эксплуатации машин. Когда останавливается станок в системе сложной автоматической линии, из строя выходит вся линия. Авария одной только детали в системе машин автоматического бетонного завода приводит к остановке всего производства.

Борьба за сохранность оборудования, за продление жизни машин — важная народнохозяйственная задача. Но по неправильному, ложному пути пошли любители шумихи, надумавшие «соревнование за взятие оборудования на социалистическую сохранность». В результате этого «почина» вся ответственность за сохранение и долговечность оборудования перекладывалась на плечи рабочего (который и без этого обязан заботливо ухаживать за станком), а администрация и инженерно-технический персонал предприятия, а также конструкторы машин, научно-исследовательские институты и заводы, изготовляющие машины, оказались как бы в стороне. А ведь от них во многом зависит изучение и обобщение опыта по продлению жизни машин, решение этой проблемы как в процессе создания машины, так и в процессе ее эксплуатации.

Сколько времени должен безотказно работать новый механизм до первого капитального ремонта? Каков должен быть, как принято называть в промышленности, межремонтный период работы машины? Во многих (правда, далеко не во всех) отраслях нашей промышленности формально действуют нормы межремонтного периода работы оборудования. Однако практика убеждает, что нормы эти разработаны сугубо ориентировочно, без серьезного научного обоснования. Убедительно подтверждает эти выводы тот факт, что расходы на содержание и ремонт оборудования на многих наших предприятиях иной раз непомерно велики.

В среднем по многим предприятиям машиностроения и легкой промышленности ежегодно на обслуживание и ремонт оборудования расходуется от 30 до 50 процентов его покупной стоимости. В швейной промышленности стоимость запасных частей, расходуемых в год на одну бытовую машину, составляет 69 процентов ее продажной цены.

За средними цифрами иной раз кроются совсем безобразные факты. На изготовлении, например, одного токарного станка ДИП-200 затрачивалось не так давно 482 часа, а на капитальный ремонт этого же станка, по действующим ныне в промышленности нормам, затрачивается 600 часов!

Два года назад в Москве состоялась конференция механиков предприятий. На ней был обсужден опыт станководов, многократно превысивших установленные сроки работы машин от ремонта до ремонта, в частности опыт московского токаря, ныне лауреата Сталинской премии В. Кулагина, выполнявшего за 5 лет около 30 годовых норм, ни разу при этом не остановив свой станок на ремонт.

Основываясь на этих практических достижениях новаторов, Министерство станкостроения СССР пересмотрело нормы межремонтного цикла, увеличив их по многим типам станков в полтора-два и даже три раза. Какое реальное значение имеет это для народного хозяйства, можно судить хотя бы по тому, что увеличение межремонтного цикла всех машин на предприятиях Москвы всего только на один месяц равносильно вводу в эксплуатацию пятнадцати тысяч новых агрегатов и, кроме того, дает экономию в полмиллиарда рублей.

В последнее время, наряду с развитием новаторского движения за повышение культуры эксплуатации оборудования и его ремонта, много сделано для улучшения рабочих деталей машин. Изготовленные одной из наиболее изнашивавшихся деталей швейной машины четвертого класса Подольского машиностроительного завода обходятся швейным фабрикам в 20—30 рублей. На каждую деталь расходуется 0,5 килограмма металла. Если же именованную деталь восстановить методом хромирования, она будет работать полтора-два года, вместо обычных трех месяцев, причем восстановление обойдется всего в 2—3 рубля.

Известно, что заглорирование поверхности

деталей повышает срок их службы в три-пять раз; закала токами высокой частоты — в пять-шесть раз и т. д. Все эти меры применяются, однако, эпизодически, от случая к случаю. Наших заводских механиков известны «слабые» детали и узлы машин, причиняющие много хлопот. Однако мало кто задумывается, по каким причинам изнашивается та или иная деталь. А ведь, не зная причины, нельзя обеспечить высокое качество ремонта, надежность работы машины; больше того, из-за недостаточного серьезного изучения машин в эксплуатации конструкторы повторяют в новых своих конструкциях недостатки предыдущих.

Наши ученые, научно-исследовательские институты имеют крупные успехи в разработке методов усталостной прочности материалов, рационального конструирования формы и упрочнения отдельных деталей машин (азотизация, цементация и т. д.). Много сделано также в развитии теории точности, трения, смазки и т. д. На этой основе конструкторы добиваются повышения прочности и точности отдельных деталей машин. Но такие комплексные вопросы, как повышение межремонтного цикла, долговечности всей машины и надежности ее в эксплуатации, слабо или почти совсем не разрабатываются технической наукой. А ведь это совершенно необходимо в условиях непрерывно повышающейся производительности машин. В последние годы у нас выпущен пятнадцатитомный энциклопедический справочник машиностроения. В нем очень много ценных материалов. И вместе с тем в этом справочнике, насчитывающем около полутора тысяч печатных листов, ничтожно мало уделено внимания вопросам теории проектирования и технико-экономическим расчетам машин; нет никаких упоминаний о долговечности машин, о практике их эксплуатации. И почти совсем не обобщен новаторский опыт борьбы за долговечность машин.

Примерно в таком же духе составляются учебники и учебные пособия по теории конструирования и эксплуатации машин. Они обычно посвящены частным вопросам конструирования машин и ремонтной практики. Авторы не пытаются даже обобщить передовой опыт эксплуатации оборудования, разработать теоретические основы проектирования и эксплуатации хотя бы для отдельных групп машин. До сих пор времени нет вообще четко разработанных методов расчета деталей машин на их изнашивание.

Долговечность машины, межремонтный цикл ее работы являются одним из основных показателей ее качества. И весьма характерно, что технические условия изготовления промышленного оборудования, например для легкой промышленности, не имеют ни одного пункта, предусматривающего в какой-либо форме гарантии долговечности машин. Подольский завод имени Калинина гарантирует, например, покупателя индивидуальной швейной машины определенный срок ее работы без ремонта. Этот же завод, поставя машины швейным и трикотажным предприятиям, не дает никаких гарантий... А это порождает безответственность и заводоуправления и завода-потребителя.

На предприятиях, в институтах и лабораториях проводится в последнее время большая работа по улучшению эксплуатации машин, но беда в том, что все эти важнейшие вопросы решаются эпизодически. Нет единого руководящего научного центра, который разработал бы теорию проектирования и эксплуатации машин с учетом опыта всех отраслей промышленности. Советские ученые-машиноведы и новаторы машиностроения, работающие в различных уголках нашей страны над проблемами повышения долговечности машин и культуры их эксплуатации, ждут, когда их творческие замыслы будут объединены и поставлены на службу борьбы за выполнение и перевыполнение производственных планов, за увеличение производительности, улучшение качества и снижение себестоимости продукции.

Отделение технических наук Академии наук перестраивает свою работу, приближая ее к решению насущных производственных и народнохозяйственных задач. В частности, при институте машиностроения создана комиссия по технологии машиностроения, которая будет заниматься вопросами изготовления машин. Это правильно. Но при институте машиностроения следует также создать и комиссию по проектированию и эксплуатации машин.

Одной из важных задач работы обеих этих комиссий должна являться разработка методов, обеспечивающих повышение долговечности машин. Нельзя забывать, что долговечность машин определяется правильным конструированием и расчетом деталей, переводом технологическими методами изготовления машин и высокой культурой их эксплуатации.

Созревание ученых, конструкторов, технологов и рабочих-новаторов обеспечит успешное выполнение задач в области создания новой, высокопроизводительной техники, отличающейся высокой надежностью в эксплуатации. Наши ученые должны с еще большей энергией помогать производству в разработке и изготовлении лучших в мире машин и в организации культурной их эксплуатации.

Проф. И. КАПУСТИН,
доктор технических наук

Первые грузы

На Волго-Донском судоходном канале начались перевозки первых грузов.

Министерство речного флота СССР подготовило к началу эксплуатации нового канала необходимый пассажирский и буксирный флот, сообщил в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» заместитель министра речного флота СССР тов. А. Вахуров. Грузовые суда, предназначенные для работы на Волго-Донском канале, а также дебаркадеры для новых пристаней пассажирских линий сосредоточиваются в преддверии канала. Они ежедневно прибывают сюда из различных пунктов Волги. Начался пропуск этих судов и дебаркадеров через шлюзы канала в Волгу на Дон.

Много ли грузов будет перевезено по Волго-Донскому каналу в навигацию 1952 года?

— В несколько раз больше, чем по Каналу имени Москвы в первый год его работы. Об этом свидетельствуют многочисленные свидетельства большого количества заявок на перевозку массовых грузов, которые стали по-

ступать в управление пароходств задолго до открытия навигации.

— Какие грузы первыми пойдут по новому пути?

— С рек Волжского бассейна — крепежный лес для Донбасса, в частности, для Шахтинского угольного района, пиломатериалы и строительный лес из различных пунктов Волги и Камы с назначением в порты Северного Кавказа, Азовского и Черного морей. Со стороны Дона первыми пойдут суда, груженные донецким углем для населенных пунктов Верхней Волги, в частности — для Игумновского электростанции.

Крупные перепалочные операции предстоят в Цимлянском порту, куда грузы будут прибывать из южных районов не только водой, но и по железной дороге. Это уголь Донбасса, пшеница Дона и Кубани, минеральные строительные материалы и другие грузы. В свою очередь, многие товары прибывшие с Волги водой, будут перегружаться здесь на железную дорогу для доставки в пункты, лежащие вдали от водных путей.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 67 (2940)

Вторник, 3 июня 1952 г.

Цена 40 коп.

31 мая 1952 года. 1 час. 55 мин. дня. Донская и волжская воды соединились.

Фот. В. ПУШКИНА

Дон пришел к Волге

Все время, пока строился Волго-Донской судоходный канал, по всей его трассе, сначала на фанерных щитах, воздвигнутых у несезонных дорог, на кумачевых полотнищах, прибитых на фасадах барачков и зданий, потом на бетоне фундаментах шлюзов и причальных астакад, — всюду можно было прочесть слова: «Существует вековая мечта русского народа, соединим Волгу с Доном».

Начертанное то ярким сурриком, то пестрым, то острок, как-то особенно мужественно звучало здесь ласковое, легкое слово «мечта».

И вот мечта перестала быть мечтой — она стала реальностью! Потому что 31 мая в 13 часов 55 минут по московскому времени возле Сталинграда в русле Волго-Донского судоходного канала между первым и вторым шлюзами слились воды двух великих русских рек — Волги и Дона.

И строители и давние обитатели этих мест все еще не могут надвинуться новорожденным, ими же созданным водохранилищем и рекам, протянувшимся по пути от Дона к Волге. А у человека, впервые идущего вдоль Березлавского или Варваровского водохранилища, другое чувство. «Не может быть, чтобы этой водой здесь когда-то не было», — думает он. Березлавское водохранилище, например, так привольно отражает в себе холмы, облака, так расточно голубеет, что кажется, существует оно здесь давным-давно, и трудно поверить, что воды его были только в этом году перекачаны сюда насосами.

Необычная весна, необычен был нынешний май в края, где проходил Волго-Донской канал. В мае здесь постоянно выгорает трава, и степь кругом лежит изжелта-коричневая, сухая, знобящая, и холмы кругом лысые, мертвые, как череп. А в этом году зеленая весна была обильна дождями, грозами, прохладой, и степь, даже всегда мертвые бугры, — все в серебристо-сочной зелени, в веселой зелени деревьев. Все зеленее, каждый кустик, и радостно, бурно распустились высоченные за зиму и весну новые деревья. Удивляясь и радуясь, люди неуверенно спрашивали друг друга:

— Неужели это все уже из-за канала?

И хочется, чтобы это на самом деле было из-за канала, потому что здесь все, от мала до велика, не говоря уже о самых водохранилищах, жили только одним: предчувствием периода на канале. Май был полон для строителей напряженнейшего, и бы сказала, ожесточенного труда, во всем похожого на настоящее сражение во имя победы. Вода, поднятая к концу апреля в последнее, наивысшее на канале водохранилище — Варваровское, «наступала» на шлюзы, стремилась сойти с волжского склона, с «чапурниковской лестницы», вода торопилась строителей. 24 мая была снята перемычка, удерживавшая воду в Варваровском водохранилище. 26 мая уже была затоплена камера шлюза № 8, первой водной ступени «чапурниковской лестницы». Поздно вечером 28 мая вода пошла к верхнему подходу шестого шлюза. Шлюз «держал» ее, здесь не все еще было готово к приему Дона. Но на помощь шестому шлюзу явились строители Донского района, приехали сталинградцы. И донские, и чапурниковские строители, шоферы солен приланных сюда машины, инженеры, прорабы, десятники, мостовники работали с предельной самоотверженностью, не считаясь ни с усталостью, ни с бессонницей. Неслыханными были темпы работ, неслыханными даже для волгодонцев.

У всех, кто был в эти дни на Волго-Дон, навсегда сохраняются в сердце впечатления бурно, прямо на глазах меняющиеся мира. Вот канал, пойма бывший реки Сольники, кусок степи, поросшей полынью. Правда, на нем уже лежат бакевы, обозначающие судовой ход, но еще движутся

Ольга БЕРГГОЛЬЦ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

мимо них люди, стоят машины, в траве отягчена глеза жаворонков, у дороги шумит несколько яблонь, остатки колхозного сада. Колхоз уже переселен отсюда. И вот от шестого шлюза бежит в балку узкий, мелкий, как бы неуверенный, ручей. С каждым мгновением он становится шире и шире, и уже не ручей, а молодая река бежит по балке, домыто затекает в каждую выбоину, кружится в ней, торопится дальше — так молодая хозяйка входит в желанный, но неизвестный ей еще дом.

Молодая река становится сильной, она бежит дальше, еще и еще пириется, окружает бакевы, которые через несколько часов всплывут и обозначат судовой ход на поверхности воды.

Вот мчится мотоцикл. На мотоцикле — молодой человек, он — за рулем, она — багажники, везут домой покупки с рынка. Конечно! Им же не провратиться на ту сторону по старой дороге. Новая река-канал перегородила им путь. Они растеряны и весело смеются. А вода идет дальше, навстречу Волге. И уже ночью здесь было большое водное зеркало, к утру вода наполнила камеру четвертого и третьего шлюзов. Она идет транзитом, ее ход неуверен, —

— Привет донской воде!

— Зеленую улицу донской воде!

— Здравствуй, Дон!

— трещит плакаты на шлюзах. И на каждом шлюзе встречают строители донскую воду ликованием, приветственными клякми.

А невдалеке, на крутом берегу над самой Волгой, как раз там, где Дон войдет в Волгу, высится сделанная из чеканной меди колоссальная скульптура вдохновителя и организатора всех побед советского народа — Иосифа Виссарионовича Сталина. Ее видно за несколько десятков километров, видно из самого Сталинграда.

Почти у самых ступеней грандиозного постаента в волжской воде покачивалась свежешварпанная лодка. На борту ее ядро и четко выведено название: «Пятиморка». И вот все это — и донская вода, идущая через шлюзы, которые сбрасывают в это время с себя леса и предстают во всем блеске, в безлине, в строгой красоте скульптурных украшений и барельефов; и цветы, неуверенно расцветающие на только что поставившем откосе; и неспешный, самоотверженный, нетерпеливо стремящийся к свершению труд строителей; и грохот самосвалов, тучи поднимаемой ими пыли; и молодые зеленые тополя на гребне откосов; и дочка «Пятиморка» — все это вместе являло собой такую бурную, немисливо изменяющуюся картину созидания, что дух захватывало.

Навряд ли кто-нибудь спал здесь в ночь на 31 мая. Не только на первом и втором шлюзах, — на всем Волго-Дон, во всем Сталинграде волновались: затря между первым и вторым шлюзами должны были встретиться Волга с Доном.

Утро 31 мая выдалось пасмурное и холодное. Временами налетали дождь и ветер. Но из Сталинграда, из волго-донских поселков приезжали и шли к каналу люди, женщины с детьми, привираженными, как на праздник, школьники в белых парадных фартуках, толпились на откосах строителей.

Мы стоим на гребне откоса, лицом к третьему шлюзу, видимому отсюда. Над нами покатый, в темпорамутровых облаках небосвод, такой огромный, какого никогда не увидишь в городе. Под покатым круглым небосводом круглая, огром-

ная земля, степь, одетая серебристо-зеленым покровом полей, и запахи полей несется со всех сторон, щемящий, горький, свежий запах. Над степью телеграфные, электрические провода, видны новые поселки. От второго шлюза, прорезая зеленую пологую степь, желтовато-коричневые, с отвалами песка по бокам, мощенные камнем по откосам, идет русло канала. Оно похоже на глубокую дорогу, резко отличается по цвету от остальной местности. Оно вроде как бы и не так широко, и тополя, насаженные на гребне откоса, не смоят еще, пожелав, в знойный день отбросить тени. Но это русло Волго-Дона, еще сухое русло реки, о которой столетиями мечтал русский народ, которая будет здесь через несколько минут.

— Товарищи, идет!.. Она!..

От третьего шлюза по желто-песчаной прямой выемке канала идет вода. Она показывается сначала невысокой белой гривкой, пересекающей желтое дно канала. Гривка приближается, нарастает. Это донская вода. И строители, и женщины, прижав к себе грудных детей, и мальчишки бегут к ней навстречу, встречают ее, идут по бокам, к воротам второго шлюза. Пенясь, веселая, сильная вода заполняет верхний подход второго шлюза. Теперь люди — уже на откосах, между первым и вторым шлюзом, там, где возле второго шлюза звенит, перекинул арку через канал новый железнодорожный мост, а с другой стороны, возле первого шлюза, — автодорожный. Толпясь на откосах, с тревогой, с радостью люди глядят в обе стороны. Как в сказке, со стороны первого шлюза должна выйти Волга, со стороны второго — Дон. И вот Дон выходит из второго шлюза, медленно течет по руслу, и в то же время со стороны первого шлюза широко, мощно, как в старину гонорали, — вальжано движется Волга. Она идет одулой сплошной волной во всю ширину русла, с густой, пышной пеной впереди, идет, как подбавляет настоящей русской красавице. Она вышла из своих ворот, переступила порог, чтобы встретиться Дон и вместе с ним вернуться к себе.

На откосах восклицали, гудели:

— А Волга-то последняя идет!..

— Так то ж Волга!

— А Дон-то торопится, устиляется!..

С обеих сторон навстречу друг другу, вровень с водой, сопровождала воду, шло тысячи людей. Шли строители, дети, шли те, кто создал это русло. Они вели Волгу и Дон навстречу друг другу. Они двигались степенно, торжественно, и вдруг, когда обе реки были совсем близко друг от друга, из той и другой в самой середине русла выпрыгнул вперед по стремительной узкой струе, точно реки протянули друг другу руки. И столкнулись эти струи, и махонький бурундик взвился над ними... Десятки строителей и детей окунали в них руки, стаяли, смеялись донскую и волжскую воду. Вода сливалась все теснее, все неразделимее, поднималась все выше и выше. И в мгновение соединения рек грянул на откосе оркестр, и горделивый Гимн Советского Союза торжественно понесся над новорожденной волго-донской водой. С Гимном слилось дружное, всеобщее «ура!», восторженные восклицания, и говор тысяч людей, и восторженные клки.

Глядя на них, я думала: «Нет, это не только сталинградцы, это весь народ, москвичи, ленинградцы, уральцы. Весь советский народ радуется и ликует, видя, как становится жизнью его вековая мечта».

И уже мальчишки барахтались в смешавшихся волнах Волги и Дона, веселые, бестрашные, озорные, не думая о том, как рениво и старательно будут расправлять их об этом дне их будущие дети и даже внуки.

СТАЛИНГРАД

Международные отклики

ПО ДИРЕКТИВАМ ИЗ ВАШИНГТОНА

Буря протестов французских трудящихся против преступного ареста секретаря Центрального комитета французской коммунистической партии Жака Дюкло и главного редактора газеты «Юманите» Андре Стиля сотрясает Францию. В настойчивом требовании всех честных людей Франции — немедленно вернуть свободу верным ее сынам — выражено стремление народа сорвать чудовищную политическую провокацию, совершенную вишнством Пина по приказу из Вашингтона.

Подписание сепаратного «общего договора» в Бонне... Подписание договора о создании «европейской армии» в Париже... Приезд во Францию генерала-чумы Риджуэ...

Все это вызвало мощный взрыв негодования честных французов, нагвавший мировую реакцию. Американские планировщики войны потребовали, чтобы французское правительство обрушилось на французскую коммунистическую партию. Реакционеры рассчитывают обезглавить движение народных масс за мир и независимость Франции, чтобы навязать затем стране фашистскую диктатуру.

Эти меры, призванные «укрепить» одно из важнейших звеньев Атлантического блока, тщательно готовились. «Франция, — как откровенно изрекла недавно газета «Нью-Йорк таймс», — занимает особое место в политике США», поскольку Вашингтонские авантюристы «считаются» во Франции для проведения своей политики в Европе и на Средиземном море. Не удивительно, что каждая поездка в Вашингтон представителей французских правящих кругов, начиная с президента и кончая полицейскими чиновниками, имела своим результатом новые провокации правящей клики, новые вылазки реакции против трудящихся Франции.

И на этот раз префект парижской полиции, правый социалист Бейло получил точные инструкции в Вашингтоне, откуда он недавно вернулся.

О том, под чью дулку пляшут Бейло и его единомышленники, красноречиво свидетельствуют откровенные высказывания реакционных американских газет. Так, например, «Нью-Йорк таймс», докритически похваливаясь по поводу французского правительства, пишет в редакционной статье: «Дар, обрушившийся на французских коммунистов, может оказаться событием первостепенной важности». Орган Уолл-стрит прямо подсказывает, куда надо направить этот удар. «Опасный элемент партии — это прочное центральное ядро...» — наускивает парижских дерзаво «Нью-Йорк таймс». — Пока эти люди существуют, власти своим массовым арестами не нанесут серьезного ущерба, так как на смену арестованным приходят другие».

Эта трусливая тирада американской газеты выдает с головой ее уоллстритовских хозяев — они смертельно напуганы ростом сил сторонников мира во Франции, их бросает в дрожь от того, что на место каждого борца за мир, брошенного в тюрьму реакционерами, народ Франции выдвигает десятка новых своих сынов.

Вашингтонские поджигатели войны мечтают о расправе с передовым отрядом французского рабочего класса, с коммунистической партией. Американская газета «Нью-Йорк пост» без обиняков пишет: «Вопрос о возможности запрещения коммунистической партии уже серьезно рассматривается французским правительством». Но на какие бы провокации ни пукались парижские реакционеры по приказу своих заокеанских хозяев, последнее слово остается за народом Франции. А французский народ перзурьно связан с которой своих лучших сынов, одиозно торжествующих, славу и совесть Франции, — со своей коммунистической партией.

Поход парижских вишнстов против коммунистической партии — это выставление фашизма, и народ Франции говорит: фашизм не пройдет!

ЛИТЕРАТОР

НА ВОЛГО-ДОНЕ

Теплоход идет по каналу

БОРТ ТЕПЛОХОДА № 306, 2 июня. (Наш спец. корр.). Устье канала похоже на настоящий порт. У бетонированных берегов стоят пароходы, разукрашенные флагами и плакатами, тяжеловесные буксиры бороздят воду, юркие моторные лодки, задрыв высоко носы, шумят во все стороны.

Позади затора Сталинградской судовой фары возвышается красивое двухэтажное здание — пристань «Красноармейск», конечная остановка нового пассажирского линии Сталинград — Красноармейск.

...Мы на борту буксирного теплохода № 306, экипаж которого в соревновании речников завоевал право первым плыть по каналу. На буксире у нас изыски беспосежные дебаркадеры. Их нужно расставить у берегов канала. Впрочем, задача первого рейса — не только доставить пристань к месту назначения, но и опробовать гидротехнические сооружения канала.

Постепенно перед нами открывается панорама канала. Грандиозная арка первого шлюза. Она еще не закончена: выскочит в воздухе рабочие устанавливают скульптуры. Мы — в камере шлюза. Теплоход с дебаркадерами свободно вмещается в ней. Раздается команда, и судно приворачивается к рывам — специальным сооружениям, вделанным в камеры. Возле левой башни управления, с которой сняты леса, стоит коренастый мужчина средних лет в форменной фуражке — начальник шлюза по эксплуатации Н. Смирнов, много лет пробовавшийши на Камеле имени Москвы. Он отдает распоряжение, и верхние ворота медленно начинают опускаться, пока не скрываются пол водой. Путь в канал открыт. Проплыв участка Красноармейского строительного района, мы подошли к четвертому шлюзу. Сегодня же к нему со стороны Волги подошел теплоход № 103 еще с другими дебаркадерами на буксире. Теплоход привел капитан Г. Гаврилов — человек, известный на Дону: в 1948 году ему присвоили звание лучшего капитана речного флота.

Четвертый шлюз расположен в степи. Жители близлежащих населенных пунктов с удивлением наблюдают за невиданной для них жизнью: у причальных стоек нижнего подхода к шлюзу стоят пароходы, каждые полчаса раздается бой склянок...

ПО ШПАРГАЛКЕ...

На трибуну городского собрания молодых стахановцев поднялась токарь-скоростник Валю Окунева. Еще никогда ей не приходилось выступать перед такой большой аудиторией, и естественно было волнение девушки. Но вид бумажки, которую она разглядела рукой, успокоил девушку. Текст выступления записан — сбиться невозможно. — и Валю, не отрывая глаз от записки, начала свою речь. Молодая работница добросовестно перечисляла имена лучших стахановцев цеха, не забывая о процентах выполнения норм.

Вот сейчас, ждали слушатели, Окунева перейдет, наконец, к рассказу о своем опыте. Действительно, она как будто бы приближалась к этому, наиболее интересному для присутствующих, разделу выступления. Вот она сказала десятку слов и о своих, весьма важных показателях и о новом обязательстве в соревновании. И тут остановилась. Еще одна, более или менее гладкая заключительная фраза, и Валю Окунева сошла с трибуны.

Мы довели тогда увидеть текст выступления, который Окунева отдала для стенограммы. Очень интересной показалась мне эта бумажка. Не содержанием — его я уже знал, а своим видом.

Начало и конец выступления стахановки были отпечатаны на пишущей машинке. Лишь в середине листа были карандашом вписаны шесть строк — в них и заключался весь рассказ об опыте работницы. Между прочим, было сказано: «В 1951 году у меня было отличное качество 60—70 процентов продукции. Я задумалась, как повысить процент отличного качества, и этого добилась. В 1952 году я стала давать 99 процентов отличной продукции».

И все. О том, как она этого добилась, Окунева ничего не сказала.

Но, может быть, действительно Окуновой нечего было сообщить участникам совещания по обмену опытом?

Через несколько дней я побывал в Цехе Горьковского станкозавода, у токарь-скоростника Валю Окуновой.

Стоило посмотреть на спокойную и самозабвенную работу этой невысокой девушки в аккуратном халатике. Быстрыми и тонкими движениями она ставила заготовку, подводила резец, снимала готовую деталь, производила замеры. Горка готовых изделий на ее рабочем столике росла, буквально, на глазах.

— Хорошо работает, — удовлетворенно сказал старший мастер Волынов. — Опять в двукратном процентом дело идет. И качество, будьте спокойны, отличное...

Много поучительного довелось услышать в цехе у Валю Окуновой.

Тот же три года она работает в цехе на том же станке, на котором когда-то, будучи ученицей ремесленного училища, проходила практику. За все эти годы станок не был в капитальном ремонте: Валю Окунова тщательно следит за ним и не только аккуратно чистит, но и самостоятельно производит мелкий ремонт, наладку.

Прекрасно зная станок, она смогла овладеть передовыми методами труда. Ее учители в стахановской школе был лауреат Сталинской премии токарь Николай Григорьевич Смирнов, который научил девушку применять резцы с твердым сплавом. Валю Окунова творчески восприняла советы учителя. Свой инструмент она зачищает так, что срок службы резцов увеличился чуть ли не вдвое. Девушка немало потрудилась над устройством рабочего места. Теперь к ее инструментальному шкафчику подходят многие опытные стахановцы, чтобы посмотреть, как скоростник удалось разместить инструмент, чтобы на поиски необходимого резца или сверла не приходилось тратить время.

Валю Окунева систематически выполняет норму на 170—200 процентов. Тщательно ухаживая за станком и инструментами, токарь почти все детали (99 процентов!) сдает с отличной оценкой.

Как видно, Валю Окуновой было что рассказать. И она могла бы дать молодым стахановцам много ценных советов о том, как устроить рабочее место, как ухаживать за станком.

В цехе девушка часто беседует с подругами об этом. Если придумает что-нибудь интересное, с нетерпением ждет конца смены, чтобы поделиться с Уликовой и Горюхой. Одна из них — смешица Валю, другая — тоже токарь, работает на соседнем станке.

Окунева умеет рассказывать. Девушки любят слушать ее и тогда, когда она говорит о своем опыте, и когда она пересказывает прочитанную книгу (Валю много читает). Речь ее проста и ярка.

Недавно Окунева выступала на собрании в цехе. Она рассказала о том, что еще недопустила достигнутых успехов. И хотя ее часто хвалят, ей бы хотелось работать значительно лучше. Ведь сколько времени приходится терять порой на ожидании наряда, случается, что по ошибке дадут не тот чертёж, а механик вот уж который месяц обещает наладить охлаждение на станке...

Окунева умеет добиваться своего. И такой известна она в цехе — горячая в работе, веселая, жизнерадостная, непримиримая к недостаткам.

Почему же вы не рассказали обо всем этом на городском собрании? Разве не смогли бы?

— Думаю, что смогла бы, — отвечает Окунева. — Но разве об этом говорят на таком собрании?

Перед совещанием на завод позвонили из Горькома ВЛКСМ и попросили подготовить токарю к выступлению. Эту просьбу на заводе поняли своеобразно: надо подготовить Окунову выступление. Секретарь партбюро цеха тов. Жданкин и комсорг тов. Аверкин быстро «накачали» текст. В этом тексте было, по их мнению, самое важное, что должна была сказать Окунева.

— А вот здесь, — указала ей, — ты простишь свои показатели...

Валю Окунева подошла к советам старших товарищей.

Может быть, и не стоило говорить об одном неудачном выступлении на собрании, посвященном обмену опытом, если бы случаи со шпаргалкой были исключением.

Но в том-то и дело, что шпаргалка довольно часто получает права гражданства на совещаниях молодых стахановцев нашего города. А так как всевозможных выступлений по обмену опытом очень много (за и не может быть мало, потому что передача стахановского опыта стала у нас поистине всенародным делом), то следует дать точную оценку шпаргалке. Она полностью противоречит самой идее социалистического соревнования, которое, по классическому определению товарища Сталина, «есть выражение деловой революционной самкритики масс, опирающейся на творческую инициативу миллионов трудящихся».

Разве может выступление Окуновой, подготовленное не ею самой, не выражающее ее действительного опыта, мысли, настроения, способствовать стахановской критике и самкритике? Конечно, нет! Ведь секретарь партийного бюро тов. Жданкин вряд ли согласился бы выступать по шпаргалке, написанной ему, ну, скажем, начальником цеха. А не согласился бы сделать этого по той причине, что у самого Жданкина достаточно и мысли, и опыта, и жизненных наблюдений для выступления. Но почему же тогда он не доверяет стахановке Окуновой?

На веревки в силы людей и прозирают худосочные шпаргалки, подменяющие конкретный опыт рассуждениями о необходимости передачи опыта. Но ведь наш стахановец обладает таким уровнем культуры и знаний, что может глубоко и ярко рассказать о своем опыте без всякой шпаргалки.

М. УРЕС

Г. ГОРЬКИЙ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«АКАДЕМИЯ МАЛЫХ ДЕЛ»

Под этим заголовком 24 апреля 1952 года в «Литературной газете» была помещена статья, подвергшая критике работу Академии коммунального хозяйства имени Машифтова и отношение к ней со стороны Министерства коммунального хозяйства РСФСР.

Редакция получила письмо министра коммунального хозяйства РСФСР тов. Сурина. Он сообщает, что коллегия министерства обсудила статью и признала критику в адрес Академии и министерства правильной.

Тов. Сурина пишет, что для улучшения работы Академии намечено:

- 1) Сосредоточить силы на разработке основных задач жилищно-коммунального хозяйства, не распыляя средства на мелкие и второстепенные вопросы. Исходя из этого, до 1 июня 1952 года будет пересмотрен перспективный план работ Академии и ее институтов.
- 2) Повысить качество научно-исследовательских и конструкторских работ. В этих целях решено специализировать Академию и ее институты и внести ряд изменений в структуру Академии.
- 3) Улучшить подготовку аспирантов, для чего пересмотреть их состав, проверить тематику диссертаций и пр.

4) Укрепить руководство и состав сотрудников Академии и институтов квалифицированными работниками имеющими ученую степень и опыт практической работы.

5) Улучшить связь и творческое сотрудничество с научными учреждениями и коммунальными предприятиями Москвы и других крупнейших городов РСФСР и систематически обобщать передовой опыт эксплуатации жилищно-коммунального хозяйства.

Как сообщает тов. Сурина, уже пересмотрен состав Ученого совета Академии, обсужден и утвержден план внедрения законодательных работ, сейчас рассматривается вопрос об экспериментальной базе Академии.

Кроме того, коллегия министерства обязала директора Академии к 1 июля 1952 года подготовить предложения о строительстве в 1953 году производственных и жилых зданий; начальника управления материально-технического снабжения — обеспечить Академию всеми материалами и оборудованием, необходимым для изготовления опытных образцов; начальника технического управления министерства — установить систематический контроль за работой Академии.

«ОБСУЖДАТЬ НАМ НЕКОГДА...»

В «Дневнике искусства» («Литературная газета» № 43) под этим заголовком была опубликована заметка К. Файзулина, сообщавшая о безобразных переводах текстов художественных фильмов на узбекский язык.

Редакция получила письмо министра кинематографии Узбекской ССР тов. А. Ташходжаева, в котором признается правильность выступления «Литературной газеты». Министерство кинематографии приняло меры к улучшению качества переводов, пересмотрело состав переводчиков, привлекло к этому делу опытных специалистов.

Переводчики, допустившие серьезные искажения в тексте фильмов «Кавалер Золотой Звезды» и «Тарас Шевченко», лишены права делать переводы художественных фильмов для Ташкентской студии.

Каждый новый дубляжированный на узбекский язык фильм будет впрямь рассматриваться на Художественном совете кинематографии. Переводы текстов будут также обсуждаться комиссией по художественным переводам Союза писателей Узбекистана.

«ПО СТАРЫМ КОНСПЕКТАМ»

В статье «По старым конспектам» («Литературная газета» от 9 февраля с. г.) критиковалась работа проф. Н. Разницына — руководителя кафедры инженерной геологии и гидрогеологии Новочеркасского политехнического института имени С. Орджоникидзе.

Дирекция института просила в связи с этим обследование работы кафедры. Ученый совет на заседании, посвященном обследованию мира профессора Н. Разницына, признал справедливой критику в адрес профессора Н. Разницына. Перед дирекцией института поставлен вопрос об объявлении конкурса на замещение должности заведующего кафедрой, а также об укреплении этой кафедры преподавателями.

Фото В. ПУШКИНА

Д. ЗОЛотов   Ф. ЕЛЬЕТОН

„Воздушники“

По числу фотографов на душу коренного и приезжего населения Кисловодск безусловно занимает первое место в стране. Куда ни пойдешь — на «Красные камни» или «Храму воздуха» — на «Стеклозавод» — всюду в вас привлечает сверкающий глаз объектива и вынуждает алчущий взор его владельца — «воздушника», как называют здесь этих рышарей длиннофокусной линзы и черных протынок, прикрывающих их аппараты.

«Воздушники» проявляют чудеса изобретательности. На реке Ольховке они возвели для приманки публики даже особые гидротехнические сооружения. При помощи нескольких камней созданы микроводопады, позволяющие фабриковать фотальбушки.

Пока ученые-химики и другие специалисты трудились над получением цветной пленки, специалисты химиков и т. п., кисловодские халтурщики решили сложную проблему цветной фотографии с необычайной простотой и легкостью. С помощью простых анилиновых красок они размазывают темные фотографии, покрывая траву и небо ядовитой зеленью, дорожки и лица — желтой, солнце — красной, воду — синей краской.

Между «воздушниками» существует своеобразная конвенция. Кисловодск разделен на несколько эксплуатационных участков. Переход границ и вторжение на чужие территории строжайше запрещены. Нет площади от «воздушников» и в Ессентуках, Пятигорске, Железноводске.

Почему, к слову сказать, не заинтересовалась этим краевая газета «Ставропольская правда»?

Впрочем, обождем отвечать. Вернемся к этому вопросу, как говорится, немного ниже. Открытия в видах города-курорта и других мест Кавказа в магазинах кисловодского универмага, в kiosках и на лотках занимают первое место среди других товаров. И хотя на обороте открыток стоят штампы государственных и кооперативных организаций, но при одном взгляде на эти умыльные произведения можно сразу обнаружить школярский почерк «воздушников».

Фотография красивейшего места Кисловодска, измазанная торпидной ржавой ретушера-раскраски, превратилась в фотопортрет, если бы не подпись: «Кисловодск. Пляшка роз».

На другом снимке вам представляется некое мрачное здание казематного типа. И хотя мы целый месяц ходили сюда пить нарзан, слушать концерты, читать свежие журналы, нам вряд ли придет в голову, что это и есть нарзанная галлерей.

Фотопромыслы на кавказских минеральных водах занимаются все, у кого есть охота к легкому заработку.

Артели инвалидов Ессентуков и Кисловодска выпускают массовыми тиражами модернизированных ангелочков, у которых традиционные крылышки превращены в развешивающийся шарфик и к тонким ножкам приторочены таможные лыжи.

В поисках наживы на Кавказ устремляются деловые и из более отдаленных мест. Казалось бы, какой вид на кавказские красоты может открываться из окна далекого Октябрьского райбюро в Днепропетровске? Но в кисловодских магазинах рядом с местными открытками лежат маленькие пакетики со снимочками марочного размера — «Виды Кавказа». КПВ Октябрьского райбюро. Цена 7 р. 50 к.

КВП — это касса взаимопомощи. Мы не против касс взаимопомощи в любом пункте страны. Но кому помогает Октябрьский райбюро в Днепропетровске, выпускающая халтурку?

Впрочем, инвалидные артели и КВП — ничто по сравнению с солидным предприятием, расположенным рядом с малым кисловодским базаром. На большинстве открыток стоит его штамп: «СП». Сотни тысяч раскрашенных анилиновыми красками открыток выпущены этим комбинатом, оснащенный хотя и примитивным, но высокопроизводительным оборудованием.

Что же скрывается за таинственными буквами «СП»? Оказывается, издательство газеты «Ставропольская правда», которая почему-то не ударила по соблазнам. Теперь понятно, почему она спокойно взирает на поток низкопробных открыток!

Интерес курортников к пейзажным фотографией вполне понятен. Каждому хочется увести на память изображение того чудесного уголка, где он провел отпускное время. Шахтер из Кузбасса с удовольствием покажет в Прокловские фотографии Кавказского хребта дружина: «Смотрите, какая у нас страна!» Колхозница из Рязани обязательно захватит открытку с видом санатория и скажет подругам: «Вот в каком дворце я отдыхала!» Старый служащий из Семипалатинска будет все время хранить снимок Октябрьских ванн: «Здесь мне отлично отремонтнировали сердце. Слава нарзану!»

Но в продаже этих фотографий нет, а есть какие-то бледные тени, раскрашенные анилином. Нет их потому, что на Минераловодской группе курортов разбили свой лагерь халтурщики и спекулянты. И черные протынки их, как пиратские флаги, развеваются близ всех санаториев и домов отдыха.

Миллионы, с ней связана их жизнь, от успеха этого строительства зависит репутация улучшения жизни народа. Реальный процесс или явление в нашей индустрии, в науке, даже в сельском хозяйстве не связаны со стройками коммунизма.

Писатели стремятся отразить грандиозное строительство. Многие из них уже опубликовали свои очерки, посвященные этой теме.

В этих работах весьма значительное место занимает разъяснение задач строительства, предположения о будущем. Такова книга А. Яковлева, известного своей любовью к технике, много писавшего о Сортоме и о других заводах и строительных предприятиях, которые шли на казнь во имя правды, но имя чести Германии. Другом — развалины Берлина, ветер шумит в зазубренных камнях, а она вчитывается в письма и ищет оправдания.

— Где была совесть народа в 1941—1945 гг.? — спрашивает она себя. Она преследует к звуку имен тех, кто погиб в борьбе с фашизмом. Они погубили и в те дни, когда гитлеровское чудовище дожидалось в Сталинграде.

Вот оно, оправдание и объяснение. Вот на чем можно и нужно строить будущее германского народа!

И когда на митинге перед многотысячной толпой она укрывает от холода своим пальто малыша-пioneра, чтобы согреть его, и слышит, как ровно и доверчиво бьется робчье сердце и теплеет забытое сердце, она видит будущее уже светлым и путь новой Германии прямым. Ведь за это мальчуган умерили наши солдаты, за то, чтобы он был pioneerом, за то, чтобы он жил с чистой душой.

Внутренний спор с самим собой, решение большой моральной задачи — вот движущая сила очерка «В Германии».

Очерк В. Васильева полон личного чувства, личной страстности, как и очерк П. Павленко об Италии. Я думаю, что на стоянии, подлинно художественный очерк строится именно на личном, кровном, глубоком пережитом. Когда это личное в художнике совпадает с общим, возникает народное искусство.

Памяти М. И. Калинина

Сегодня исполняется шесть лет со дня смерти выдающегося деятеля большевистской партии и Советского государства Михаила Ивановича Калинина. На протяжении и в учреждениях страны, в колхозах и учебных заведениях проводятся беседы и доклады о его жизни и деятельности. В Центральной парке культуры и отдыха имени М. Горького в Москве открывается выставка, посвященная великому революционеру.

В эти дни особенно многолюдно было в музее М. И. Калинина. С волнением проходят посетители по его залам. С благоговением останавливаются люди в траурном зале перед драгоценной реликвией — партийным билетом М. И. Калинина, перед орденами и золотой медалью «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда, которыми был награжден Михаил Иванович за его выдающиеся заслуги перед советским народом. Только два года прошло со дня открытия музея, а в нем побывало уже свыше трех тысяч экскурсий. Приходили туда и делегации трудящихся Китайской Народной Республики, стран народной демократии и других зарубежных государств.

Имя Михаила Ивановича Калинина носят в нашей стране две области, многие районы и заводы, высшие учебные заведения и колхозы. Он живет в сердцах миллионов советских людей, любящих и ценящих в нем кристально чистого большевика, неутомимого борца за мир, сердечного и отзывчивого человека.

М. И. Калинин был выдающимся пропагандистом идей марксизма-ленинизма. В музее большое место занимают книги и брошюры со статьями и выступлениями М. И. Калинина о коммунистическом воспитании, о марксистско-ленинской подготовке кадров. Эти книги и брошюры выпускаются на языках народов СССР миллионными тиражами.

ФЕСТИВАЛЬ ПОЛЬСКИХ КИНОФИЛЬМОВ

Вчера в московском Театре-студии киноактера торжественно открылся фестиваль кинофильмов Польской Республики, который, кроме Москвы, проводится также в Ленинграде и столицах союзных республик. На открытии фестиваля присутствовала гостящая в СССР делегация польских киноработников. Руководителем делегации — председателем Центрального управления кинематографии Станислав Альбрехт в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» сказал:

— Фестиваль польских кинофильмов в Советском Союзе — большое событие в области культурного сотрудничества наших дружественных народов. Советские зрители имели уже возможность познакомиться с некоторыми польскими фильмами, выпущенными в последние годы. Работники польской кинематографии с большим вниманием следили за откликами советской печати на эти картины, принимая с большой благодарностью как критические замечания, так и слова признания.

Польский народ ценит и любит советские фильмы. Из года в год увеличивается количество зрителей, смотрящих советские кинокартины во время фестивалей, проводимых ежегодно по случаю месячных польско-советских дружбы. В 1948 году советские кинокартины просмотрело 6,5 миллиона человек, в 1949 году — свыше 10 миллионов, в 1950 году — около 15 миллионов, а в прошлом году — свыше 17 миллионов. Советские фильмы становятся близкими нашему зрителю благодаря глубокому, правдивому показу жизни.

Критика, которую мы ожидаем от советских кинозрителей, позволяет нам — работникам польской кинематографии, еще более плодотворно служить народу, более успешно включиться в ту борьбу, которую под руководством Советского Союза ведут трудящиеся всего мира, — борьбу за мир и лучшее завтра.

Заметки об очерке

Правильно, художественно и во-время отображать существенные явления нашей жизни — такова цель очерка.

Существенное в нашей жизни — это борьба за мир, против пожитателей новой войны, против империализма и неопатризма.

Фронт этой борьбы проходит по всем широтам земного шара. Советский Союз возглавляет борьбу за мир во всем мире, и, естественно, очерк должен отразить эту всемирную роль нашей Родины.

За последние полтора года, помимо многочисленных небольших очерков о зарубежных странах, вышло немало очерков и публицистических книг и крупных работ в журналах. Следует упомянуть очерки В. Подгорного о Париже, «Свет над Китаем» И. Ермашева, «Сражающийся Китай» Е. Симонова, «За мир» И. Френбургера, «Америка с черного хода» И. Васильева, «В Борсе» и «В стране льдов» А. Первенцева, «В Германии после войны» Ю. Королькова, «В Германии» В. Васильевской, «Итальянские впечатления» И. Павленко, «Лна года в Эфиопии» В. Долгова, «На Втором Всемирном конгрессе сторонников мира» и путешествия в Индию И. Черкасова, «Борющаяся Борсе» А. Кожина, очерки о Малайе В. Яновского и Д. Ненского и ряд других.

Эти произведения раскрывают перед нами современный этап мировой истории в его конкретности, показывая простых людей разных стран, их дела, их борьбу с чудовищным империализмом и неопатризмом.

Ю. Корольков разоблачает махинации империализма, направленные к возобновлению разбойничьей Германии. А Первенцев видит следы и признаки их подлой работы в далекой Исландии. А Кожин и М. Овсянникова рассказывают об их зрелищах в Корее.

...Торол Синчен, конец улицы Нак Чеп Гол, пусть вы вде кирпичного ската — точный адрес! Жюинина по имени Ен Дек рассказывает М. Овсянниковой о том, как американцы рассердились, что сын ее громко плакал, и распоттал ребенка сапогами. — Я ждала вас, я так ждала вас, — бесконечно повторяла она... Расскажите всем людям о наших страданиях!

Расскажите всем людям факты, правду о звере в человеческом образе, который поставил целью уничтожить целый народ и готовит гибель всему человечеству...

И очерк выполняет эту задачу, это требование, этот приказ матерей. Па весь мир говорит он правду о борьбе, в которой победить должно добро.

Более 400 лет не знали исландцы войны, в их словарном фонде нет слова «снаряд», и вот теперь безумие военной истории брошено на этот остров, чтобы завоевать его как базу для агрессии против СССР.

И хоть на туманном острове довольно экзотических красок — и северных сияний, и гейзеров, и вулканов, но советский писатель А. Первенцев увидел главное — стремление людей к миру.

«...Язык, который понимаешь по этим рукопожатиям, но блеску глаз, по приветственному жесту руки, — это язык дружбы и мира». На этом языке, не требующем много времени, чтобы сказать многое, говорили с нашими посланцами сотни людей, людей неофициальных, неизвестных, тех, кто и составляет народ.

Мыслью о дружбе рабочих людей всего мира пронизан и замечательный очерк И. Павленко, одного из лучших советских очеркистов, — «Итальянские впечатления».

В нем прекрасна волящая манера повествования, когда закон развития рассказа возникает как бы по капризу взыскливой ассоциации или случайной детали, возвращаясь в сознание автора.

В этой манере, когда на одной странице автор переходит от сбора вез. Марка в Венеции к римским улицам, потом к Ватикану, разоблачает современную теологию, рассказывает о Пие XII, чтобы перейти затем к тиражу газеты «Унита», есть что-то, напоминающее манеру Герцена, который тоже любил слыть размысленный, чтобы «было» никогда не подпадало «думам», и думи пронизывали было.

Вместе с Павленко мы, читатели, побывали в современном Риме — этом городе, где находится один из самых мерзких гитлеров на планете — Ватикан. Город,

где 60.000 человек питаются Ватиканом, укрепляют Ватикан, готовят слуг Ватикана и распропагантуют по всей земле тлетворное его влияние.

«Итальянские впечатления» написаны человеком, полным горячей страсти — ненависти к капиталистической Италии и любви к ее народу. Эти чувства пронизывают очерк и являются движущей силой повествования.

Много прекрасных страниц очерка посвящено искусству. Художник коммунистического мира говорит об искусстве, о культуре прошлого с глубиной и тонкостью, как о своем собственном, коммунизму принадлежащем богатстве, ибо прошлое принадлежит только тем, кто владеет будущим.

«Тепло этих братских рукопожатий хотел я вложить в краткую запись впечатлений», — так кончает Павленко свой очерк об Италии.

Чувство всемирного братства трудящихся — вот то энергетическое поле, в котором живет мир! Напряженное этого поля становится все более мощным. Империализм мобилизует все силы, чтобы не дать ему расти. Фашизм поднимается из могилы.

И вот мы попадаем туда, где было логотво назидание.

Ю. Корольков ведет нас по крутому походу вокруг горы к поэтическому лику, и мы в обстановке дурного гангстерского фильма бесшумно понимаем на 125 метров внутри скалы и попадаем в замок Гитлера, где вернулись себе ребята Европы. То, что это резиденция обер-рейхсбаньянта, это не так важно, важно другое: то, что она в беззастенчивом порядке и стерегет ее по приказу американцев те же лица, что стерегли и при Гитлере.

В. Васильева рассказывает, что, по мнению одного гитлеровского генерала, американские методы в Корее полностью реабилитировали нацистов.

Писательница приезжает в Берлин. Дочь народа, который гитлеровцы пытались стереть с лица земли, человек, для которого самое слово «немец» напоминает о непозволительных утратах, оказывается в Берлине среди немцев.

Очерк «В Германии» не содержит ни одного внешнедраматического события, но драматизм его не во вне, а в сердце писательницы.

Пусть прошли годы, пусть теперь все стало иным, «но трудно просто забыть о событиях, которые годами сверлили в сердце кровавые рыны».

«Каковы немцы сегодня?» — вот вопрос, который жжет ее, не дает ей покоя. Это не вопрос отвлеченной науки, об этом спрашивают сердца. Могут ли они быть иными, нежалея тех, которых видели Варшава, Трельбица, Сталинград?

И В. Васильева ищет корней другого, святого начала в этом народе. Она читает письма антифашистов-немцев, погибших в борьбе против Гитлера. Она изучает слово за словом предсмертные письма немецких партизанов, которые шли на казнь во имя правды, но имя чести Германии. Другом — развалины Берлина, ветер шумит в зазубренных камнях, а она вчитывается в письма и ищет оправдания.

— Где была совесть народа в 1941—1945 гг.? — спрашивает она себя. Она преследует к звуку имен тех, кто погиб в борьбе с фашизмом. Они погубили и в те дни, когда гитлеровское чудовище дожидалось в Сталинграде.

Вот оно, оправдание и объяснение. Вот на чем можно и нужно строить будущее германского народа!

И когда на митинге перед многотысячной толпой она укрывает от холода своим пальто малыша-пioneра, чтобы согреть его, и слышит, как ровно и доверчиво бьется робчье сердце и теплеет забытое сердце, она видит будущее уже светлым и путь новой Германии прямым. Ведь за это мальчуган умерили наши солдаты, за то, чтобы он был pioneerом, за то, чтобы он жил с чистой душой.

Внутренний спор с самим собой, решение большой моральной задачи — вот движущая сила очерка «В Германии».

Очерк В. Васильева полон личного чувства, личной страстности, как и очерк П. Павленко об Италии. Я думаю, что на стоянии, подлинно художественный очерк строится именно на личном, кровном, глубоком пережитом. Когда это личное в художнике совпадает с общим, возникает народное искусство.

Борьба советского народа за мир выражается его мирным социальным трудом для построения коммунистического общества, и прежде всего — в строительстве грандиозных сооружений коммунизма. К этой исторической задаче направлены уси-

ления миллионов, с ней связана их жизнь, от успеха этого строительства зависит репутация улучшения жизни народа. Реальный процесс или явление в нашей индустрии, в науке, даже в сельском хозяйстве не связаны со стройками коммунизма.

Писатели стремятся отразить грандиозное строительство. Многие из них уже опубликовали свои очерки, посвященные этой теме.

В этих работах весьма значительное место занимает разъяснение задач строительства, предположения о будущем. Такова книга А. Яковлева, известного своей любовью к технике, много писавшего о

МУЗЫКА ОПЕРЫ — МУЗЫКА ДЕЙСТВИЯ

Б. ПОКРОВСКИЙ

Мне думается, глубоко неправы те, кто утверждает, что для отображения в опере существует лишь очень узкий круг тем, что здесь надо отдавать предпочтение рассказу о прошлом, символу, героям сказочным, легендарным, ультра-романтическим. Почти весь мировой опыт оперного искусства не подтверждает, а опровергает мысль о том, что круг «оперных сюжетов» так ограничен.

Общезвестно, как негодовал чиновный и аристократический Петербург, когда Глинка вывел на оперную сцену простого человека — Ивана Сусанина. Когда-то «ценители музыки» шокировали и то, что Бизе сделал главной героиней своей оперы «Кармен» простую работницу с табачной фабрики. Ближайшие к нам и настроения современников отличался «Евгений Онегин» Чайковского. Вся эволюция оперного жанра направлена на сближение с жизнью, а не в область мифологии, легенд и призраков.

Поэзия жизни, все стороны бытия и труда могут быть, по моему глубокому убеждению, выражены в музыке оперы. Но только в том случае, если опера будет действительно, если каждая индивидуальность, каждый характер обретут в ней неповторимое звучание, свою «партию». В опере главное — мелодия; именно она прежде всего служит раскрытию духовного мира человека. Но нет иного способа на сцене для раскрытия душевного, идейного мира человека, кроме действия и еще раз действия. Им определяется смысл и содержание мелодий. Опера — предельное слияние действия слова и мелодии, и этого слияния прежде всего должен добиваться композитор.

В осужденной общественностью и партийной печатью опере «От всего сердца», которую мне довелось ставить у нас в Большом театре, есть сцена заседания правления колхоза. Что в ней главное? Конфликт между Груней и Родионом. В этом столкновении могли бы ярко проявиться характеры героев, их разные жизненные воззрения, их противоречия. Но композитор пишет только рецитатив, прилагательные, относительно изображающий собрание, реплики его участников. И никак, ничем не выделяет в музыке чувства, переживания главных героев. А это вполне возможно! Ведь сцена в опере — «Борис Годунов» — это тоже собрание, но разве в голосах бояр не торжествует образ, характер главного героя? Когда же этот характер утерян, зритель не за чем следить на сцене. И тогда поневоле приходится выпустить пресловутый велосипед, чтобы хоть чем-нибудь принарядить и приукрасить оперу. Совершенно правильно определила «Правда» главную тенденцию режиссуры при постановке этой оперы: пустоту содержания мы пытались скрыть пышностью постановки и оформления, «живописностью» постановочных заборов и хатенок.

Однако к этому никогда не придется прибегнуть в опере, в которой музыкальная партитура есть партитура чувства, строго выверенного логики жизни, разумным, направленным к определенной идейной цели действием. Для того, чтобы такую партитуру создать, композитор должен обладать драматургическим мышлением. А если этого мышления у него нет, его не спасет никакой либреттист.

В «Борисе Годунове» Мусоргского противостоит и борются два главных героя — народ и царь Борис. Вглядеться внимательно, как развиваются их отношения, их конфликт. Три этапа определяют взаимоотношения царя с народом. Первый этап в сцене пролога. Народ из-под палки «выбирает» Бориса на царство. Вторая сцена — у Василия Блаженного. Здесь определился конфликт, в музыке этой сце-

ны звучит сама душа народная, голос русских людей, обездоленных, угнетенных, обманувшихся в своих надеждах.

И когда в третий раз выступает народ в этой опере, он преспокоен гнева и новизны в тирану. Он восстает. Так в музыке Мусоргского идет драматургическое развитие конфликта.

А вот еще пример того, как важно, чтобы композитор сам был и драматургом, и более того, первым и главным режиссером своей оперы. Ведь именно Верди-режиссер определяет постановочное решение сцены суда над Радамесом — кульминационную сцену оперы «Аида».

Вот содержание этой сцены. Обвинен в измене и заточен в подземелье Радамес. Америк перед судом обещает ему сохранить жизнь, если он забудет о любви к Аиде. Но Радамес отказался от жизни Америк. Она осталась одна. И вот мимо нее — в подземелье — идут жрецы. Музыка как бы рисует только этот монотонный, мрачный, неумолчный шаг жрецов. На этом фоне звучит голос Америк: «Что даст спасенье? Шаги все слышны. Жрецы радом. И, кажется, каждый их шаг топчет сердце Америк. Жрецы скрылись в подземелье. Америк одна на огромной сцене. «Ала-ла» на мученье предава я его. В этот миг Америк должна быть одна на сцене — все внимание зрителей должно быть сосредоточено именно на ней. Здесь переживания Америк вальсе всего для Верди. И поэтому он пометает в ремарке: «голос жрецов доносится из подземелья». Оттуда должны звучать мрачные, суровые возгласы жрецов, а здесь, на сцене, как контраст к ним, — страстные, горячие порывистые фразы Америк. Два оркестра (второй — духовой — в подземелье), шестые огромной толпы жрецов, стелания Америк — все это сливается воедино для того, чтобы передать кульминацию драмы и душевные переживания героини.

Драматургия этой сцены выражена прежде всего в музыке и создана самим композитором. А как часто наши композиторы не обнаруживают необходимого драматургического мышления и пишут музыку, которая лишь иллюстрирует текст и не является действенной.

Мне думается, если бы классическое наследие вызвало не только восторг и преклонение, а стало бы предметом глубокого профессионального изучения, композиторам удалось бы постигнуть многие тайны музыкальной драматургии, и прежде всего главную из них: через личные чувства и переживания героев можно выразить в музыке их общественные устремления, их социальную суть. Мелодия — это воплощение души человеческой, и надо очень глубоко почувствовать эту душу, сжаться с ней для того, чтобы передать все ее сокровенные думы и переживания. Ведь неспроста пелака Чайковский, оканчивая партию Германа. Он вместе с героем пережил всю его горестную жизнь. А кто скажет, что личная драма Германа не выражает социальных эмоций героя — человека талантливого, отважного, но загубленного своим временем?

Оперная музыка — это музыка действия. Никакая красивая «сама по себе» музыка, не выражающая жизни и характера в действии, не сможет составить музыкальную основу оперного спектакля. А опера, не поставленная на сцене, по выражению Чайковского, не имеет никакого смысла.

Наша богатая и красочная жизнь, наши советские люди, ежедневно совершающие подвиги в своем созидательном труде, просятся на оперную сцену. Надо только нашим композиторам, учась у великих классиков, овладеть мастерством музыкальной драматургии и смело идти по пути создания советской оперы.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В ТАДЖИКИСТАНЕ

УЧЕБНИК ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Секретариат Союза писателей Таджикистана обсудил макет учебника по таджикской литературе для десятых классов, составленный научными сотрудниками Академии наук Таджикской ССР. Участники обсуждения отметили, что в учебнике отражены важнейшие этапы и проблемы развития таджикской советской литературы, влияние русской литературы на творчество таджикских писателей и поэтов. Вместе с тем выступившие критиковали макет учебника за поверхностный анализ творчества некоторых писателей.

ПРОТИВ УТРОЗЫ ВОЙНЫ

Таджикосоздат выпустил два больших поэтических сборника, посвященных борьбе народов против новой войны. В сборнике «За мир», изданном на таджикском языке, опубликованы стихи и песни 35 авторов. Наряду с ведущими литераторами здесь представлены и молодые поэты. Второй сборник, выпущенный под тем же названием на узбекском языке, включает в себя произведения поэтов-узбеков, живущих в Таджикистане, и переводы стихов таджикских поэтов.

В ТВОРЧЕСКИХ СЕКЦИЯХ

Секция драматургии ССП Таджикистана провела в этом году обсуждение ряда пьес таджикских и русских драматургов и репертуарного плана театров. Кроме того, обсуждены проблемы создания советской оперы и балета. Секция поэзии обсудила сборник стихов о Ленине и Сталине (составитель В. Асрори) и сборник стихов Д. Сухайли и Т. Пулоди.

К сожалению, этим и ограничивается перечень дел творческих секций, а также комиссии. Бездействует секция прозы. Комиссия по детской литературе в этом году не собралась. Комиссия по работе с молодыми писателями, после проведения в декабре прошлого года курсов-конференции начинающих писателей, свернула свою работу. Секретариат Союза писателей республики крайне редко заслушивает отчеты руководителей секций, не проверяет выполнения намеченных планов.

АЛМАНАХ «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТАДЖИКИСТАН»

Четвертый номер альманаха «Литературный Таджикистан», выходящий на русском языке, обсуждался на секретариате ССП с участием читательского актива. Выступившие отметили большое тематическое разнообразие материалов, положительно оценили ряд критических статей.

Было отмечено также, что редколлежия шире стала привлекать новых, молодых авторов. Серьезной критике были подвергнуты напечатанные в альманахе рассказы, отмечен низкий уровень их редакторования.

Т. ЛОПАТИНА, КОРР. («Литературной газеты»)

СТАЛИНАБАД. (По телефону)

90-летие Алекпера Сабирова

БАКУ. (Наш корр.). Общественность республики отмечает 90-летие со дня рождения народного поэта Азербайджана Мирзы Алекпера Сабирова.

Сабир широко известен на всем Ближнем Востоке, как революционный сатирик, поэт-уманист. Азербайджанский народ чтит его светлую память. Памятник Сабирову установлен на одной из центральных улиц Баку. Имя поэта носит один из районов республики, несколько колхозов, школ, дворов культуры, библиотек. Его произведения переведены на многие языки народов СССР.

В городах и селах республики состоялись доклады и беседы о жизни и творчестве великого поэта-сатирика. В музее Низами открылась большая выставка. В клубе Союз писателей состоялся литературный вечер.

Георгий ГУЛИА

В РУМЫНИИ

Радостные весны переживает румынский народ. В весенние дни этого года широко стало известно имя рабочего бухарестского металлургического завода имени Матнаса Ракоши Николае Васу. Пионером движения за отличное использование всех заводских агрегатов, он хорошо изучил опыт советских стахановцев и применил их методы работы у себя в цехе.

Примеру Васу, как сообщает румынская печать, последовали токари бухарестского завода имени Василе Ройтэ. В это движение быстро включились и рабочие завода «Унир» в Клуже, и металлургического комбината имени Георгию-Деж в Хунедоаре, и многие другие.

Рабочие увлекато по новому пути румынского трудового крестьянства. Крестьяне соревнуются за лучшее проведение полевых работ. Когда ночь прерывала работу, люди зажигали фонари, чтобы при их свете завершить пахоту в срок. От Констанцкой области до западных границ, от границ Болгарии до Восточных Карпат ширится борьба молодых коллективных хозяйств, трудовых крестьян за лучший урожай всех сельскохозяйственных культур.

Вместе с рабочими и крестьянами упорно трудятся румынская интеллигенция в сознании своего высокого долга перед страной, перед всем миром демократии и социализма.

Плывче в новой Румынии и масштабы новые. В горах строится гидроцентрализованной мощности, каких не было раньше в стране. Названа она именем великого Ленина. На Причерноморской равнине сооружается невиданный в Румынии огромный канал — такой и подобает народу, строящему социализм. В Бухаресте возрождается полиграфический комбинат «Скинтей»; он грандиозен по замыслу и размерам — такой и подобает свободному народу, борющемуся за новую культуру. В местечке Буфта воздвигается корпус большой кинофабрики...

В стране много новостей, которые служат источником большой радости для трудящихся. Но особенно гордится народ строительством канала Дунай—Черное море. Каждый, кто побывает на канале, поймет причины этой гордости.

На трассе канала, недалеко от берега Черного моря, мы познакомились с одним из молодых строителей. Инженер Петру Гигеску окончил институт в Бухаресте. Его специальность — гидротехника. Сколько лет назад он и не подозревал, что ему придется участвовать в грандиозном строительстве. Никогда еще в Румынии не приходилось прокладывать канал длиной в шестьдесят с лишним километров, строить шлюзы для пропуска судов.

— Нам трудно было сразу охватить масштабы работы, — рассказывает Петру Гигеску, — ибо никогда еще на практике наши инженеры ничего подобного не видели. Я был командирован в Советский Союз, где около года изучал опыт строительства. Наше строительство располагается новейшей советской техникой, и канал будет готов в срок. Это — мнение всего коллектива.

Высокий, ладный Гигеску обменивается взглядами со своими друзьями.

— Я не хвастаю, — говорит он твердо, — наше слово верно. Правда?

Друзья кивают ему. Другая — это рабоче-строительная — новых советских механизмов, развивающих поролу.

— Перед нами Мамай, бывший королевский курорт. Видна белая линия песчаного пляжа и такая же белая, но непрерывно движущаяся линия прибой. И насколько хватает глаз — Черное море.

Левее Мамай строится новый порт. Здесь воды Дуная сойдутся с черноморской волной. А еще левее — большое озе-

ро Свт-Гел. От канала оно будет отгорожено огромной земляной дамбой...

Одну из скальных выемок разработать взрывами. Огромные глыбы идут на строительство порта. Мощные уральские экскаваторы грузят породу на железнодорожные платформы. Эта выемка, ушедшая глубоко вниз, словно пропала в горах, дает наглядное представление о масштабах работ на канале...

Недалеко от Констанцы ведется постройка мощной тепловой электростанции. Она даст энергию шлюзам канала.

Правительство Румынской Народной Республики проявляет большую заботу о рабочих, об их быте, о подготовке молодых кадров. Широко развернувшееся строительство требует квалифицированных рабочих кадров. Впереди много строек, планы широки. В этих планах, например, видное место занимает система каналов, которая соединит столицу Румынии с Дунаем и Черным морем. Бухарест в недалеком будущем превратится в портовый город. Осуществление этих замыслов, разумеется, требует новых людей, умеющих по-новому строить и жить.

Забота Румынской рабочей партии и правительства о благе народа повседневна. Яркий пример этой заботы — снижение цен и денежная реформа, проведенные в конце января текущего года. Магазины вновь заполнены товарами, трудящиеся испытывают глубокое удовлетворение — денежная реформа ударила по кулакам и спекулянтам. Становится смешно, когда знакомился с клеветническими измышлениями американской прессы, которая пыталась представить денежную реформу в Румынии, как «удар» по городскому и сельскому населению. Эти злобные выкладки вполне понятны, если учесть, что реакционные американско-английские круги недовольны тем, что румынская левая опирается на самую устойчивую в мире валюту — советский рубль.

Село Бод находится в нескольких километрах от города Сталин. В селе есть коллективное хозяйство имени Хорни, Клошки и Бришана, названное так в честь вождя крестьянского восстания в XVIII веке. Василе Маковой, один из руководителей этого коллективного хозяйства, сказал:

— Мы нашли свое счастье в общем труде. Этого бы никогда не было, если бы не новая Румыния и не блестящий пример советского народа!

Года три тому назад крестьяне села Бод стали поговаривать о труде на коллективных началах. Надо же переходить на машинную пахоту, на машинную уборку! Но одному это не по плечу. Поэтому то крестьяне и решили организовать сев коллективно. Сначала объединилась шестидесять одна семья. Были среди них и румыны, и венгры, и немцы.

К работе коллективного хозяйства внимательно присматривались те, кто вел свое хозяйство единолично.

— Одним из тех, кто присматривался, был и я, — говорит Ион Кристолювану. — Вижу: дело у них идет на лад. Потянуло и меня... Теперь мы работаем сообща.

Крестьянину Иону Кристолювану шестидесять лет. Прежде он работал на кулацком. У одного кулака он прожил лет пятнадцать, ходил босой, с непокрытой головой, стег и кормил четыре десятка хозяйских свиней. Что же осталось у Иона после пятнадцати лет службы у кулака? Ни гроша!

— Ни гроша, — с грустью вспоминает Ион.

В новой Румынии Ион и миллионы подобных ему тружеников получили землю, плуги, волю, лошадей...

— Всем этим был и очень доволен, — говорит Кристолювану, — а теперь работаем сообща, и я доволен вдвойне! Кристолювану за год работы получил две с половиной тонны пшеницы, около тонны

ржи, почти 40 килограммов сахара. Уб-теперь тонн картофеля и много разных овощей.

— Я и говорю себе, — восклицает Ион, — это тебе не прежние времена!.. Вот еще пример: у меня застарелый ревматизм. Моя болезнь прежде никого не касалась. А теперь правление посылает меня на ванны. Говорят — лечись!

— В каком выводу приходит единичные крестьяне нашего села? — говорит Маковой. — Они убеждаются в том, что собою трудиться лучше. В этом они убеждаются и на примере нашего хозяйства.

Присмотревшись к деятельности коллективного хозяйства, единичные крестьяне с охотой вступают в него. После года работы хозяйства к нему присоединились еще сто человек. Поступают новые заявления от крестьян с просьбой о приеме...

Знакомился с культурной жизнью новой Румынии и невольно думаю о тех временах, когда в стране царил буржуазно-помещичий строй, боготорвавший чистоган. В душной и затхлой атмосфере королевской Румынии не было места ни настоящему искусству, ни литературе.

Вот один из многочисленных примеров. Ион Лука Караджае — замечательный классик румынской литературы, гордость румынского народа.

Можно сказать, что теперь Караджае вернулся в свою родную Румынию — Румынию рабочих и крестьян.

Я думаю об этом, когда смотрю блестящую постановку «Потерянного письма» Караджае в Национальном театре в Бухаресте.

Деятели румынского искусства расширяют рамки своего творчества. Об этом свидетельствует чудесная постановка на оперной сцене «Урасуки» Дарюмыжского. Солисты, хор, оркестр, постановщики, художники театра продемонстрировали высокое мастерство. Спектакль вызвал в демонстрацию дружбы между румынским и советским народами.

Правительство новой Румынии уделяет огромное внимание строительству культурных учреждений. В Бухаресте сооружается новое здание Национального театра. Возводятся стены музыкального театра на 1200 мест. В проекте — постройка нового здания оперы.

Книжная продукция неуклонно растет. В 1945 году, например, вышло 99 названий книг художественной литературы общим тиражом в 820 тысяч экземпляров, а в 1951 году издано 265 названий тиражом 4,4 миллиона экземпляров.

Королевские дворцы, служившие в прошлом очагами реакции, ныне переданы народу. В одном из бывших королевских дворцов, в центре Бухареста, открыта картинная галерея, в другом, на окраине города, — Дворец пионеров.

Во дворце в Синая организован музей. И здесь есть один музей в Румынии, о котором хочется упомянуть. Он открыт в бывшей тюрьме Дофтана. Здесь находились в заточении лучшие сыны румынского народа, борившиеся за его сегодняшнюю свободу и счастье. Это страшная тюрьма с алыми камерами, в которых правители прежней Румынии тщетно пытались задушить правое дело народа. В этих камерах прожил свой последний день коммунист. Долгие годы провел тут верный сын румынского народа Георгий Георгиевич Великая правда вдохновляла борцов за народное дело, правда, которая медленно живет в учении Ленина—Сталина. И эта правда победила...

В советских людях, в великом Сталине новой Румынии видят своих бескорыстных друзей. Повсюду мы наблюдали проявление горячей любви к советскому народу и его воле. Эта любовь — глубоко в сердце румынского народа. Верные советско-румынской дружбе, трудящиеся свободной Румынии идут навстречу светлому будущему, борются за мир во всем мире.

передает чувства народа, который видит, наконец, осуществление вековых своих мечтаний о воле — источнике жизни.

Очерк В. Инбер «На линии воды» есть тоже, в сущности говоря, путевой очерк, поскольку в нем описаны впечатления от одного путешествия, однако его композиция далека от прямолинейности. Автор стремится самим расположением материала направить мысль читателя по наиболее интересным путям. К сожалению, эта сложность композиции не всегда оправдана. Так, например, глава «Два чужих», построенная особенно прихотливо, содержит много уже известных широкому читателю фактов и идей, поэтому интереса скорее с формальной точки зрения, нежели по содержанию. В поисках очерковой формы В. Инбер пренебрегает глубоким изучением действительности. Между тем это является необходимым условием для решения той сложной задачи, которую она перед собой ставит, — философски осмыслить, поэтически изобразить борьбу человека с нутренней, борьбу разума со стихией, победу социальной справедливости над тысячелетним угнетением.

Развитие действия, развитие идеи, развитие научной истины, восприятие характера, иными словами, процесс, движение — без этого нет и не может быть настоящего очерка. Без этого очерк переходит в репортаж, в информацию, в релицию, в отчет.

Вл. Юрезанский серьезно посвящает себя описанию стройки Сталинградской ГЭС. Он решил стать ее летописцем. Но можно опасаться, что, решив описать или, вернее, записать все, Юрезанский перестанет быть художником, а будет лишь хроникером, главная забота которого — как бы не пропустить чего-либо, не позабыть о ком-либо, что или кто должны быть включены в историю.

Вот один только пример. «Рассказывают, как поздней осенью сорок девятого года главный геолог строительства Василий Дмитриевич Галактионов организовал бурение русловых сваяклин. Было уже холодно, но Волге шла шуга, работа представляла большую опасность, но время не давало отсрочки, — проектировщики требовали сведений о затоплении пород под ложем реки. И Галактионов на свирепом ветру, на ледяной волне вылезал бурение. Рассказывают о геологах Владимире Васильевиче Лодочникове, Николае Петровиче Сняжкове, Любови Николаевне Шабановой, Юрии Ивановиче Павлове,

техниках-геологах Тамаре Захаровой, Бате Страховой, Вале Микшиной, о бурных мастерах Викторе Нецане и Романо Константиновиче Гусарове. Если присоединить сюда рассказы о срочной, требующей большого напряжения камеральной обработке материалов в Москве коллективами геологов под руководством Галины Константиновны Мамеиной и Галины Викторовны Деминной, то получится волнующая картина человеческих усилий, о которых надо писать не очерк, а поэму».

Но картины-то и не получается! Конечно, кто же против поэмы, можно и поэму! Но у Вл. Юрезанского не вышло очерка. А между тем жизнь предоставила писателю богатый материал.

Книга о геологах Сталинградстрой «Утро великой стройки» создана в творческом содружестве геолога и писателя — В. Галактионова и А. Аграновского. Книга эта имеет успех у читателя, поэтому поучительно присмотреться к некоторым ее чертам.

Описание техники или природы, как бы хорошо его ни сделать, недостаточно для того, чтобы придать очерку движение. Очерк движется, пойдя и поведет за собой читателя только тогда, когда в технике или в природе появляется человек, и не просто человек, а такой, которому предстоит овладеть силами техники и природы.

В. Галактионов и А. Аграновский описывают шагающий экскаватор: «...Да ты знаешь, что это за чудеса! Энергия поглощает столько, сколько целый город Полтава. Кожухом за полминуты खाкает четырнадцать кубометров грунта. За сутки — двадцать четыре состава... А за неделю, за месяц!».

Казалось бы, что это есть не более, как экзотический вариант обычного описания «чуждех техники». Но разговор продолжается: «...Представляешь, какой ему нужен фронт работ!».

Вот для чего понадобилось описание «чуждех техники». Шагающий экскаватор — только не много раз больше всех своих прародителей, но только занимает десятка тысяч гектаров — сравнение с прошлым красочно, но не действенно, — экскаватор ставит перед людьми новые задачи — вот что важно всего! Все прошлые представления о сроках, о последовательности работ, о масштабах работ оказываются сегодня уже негодными. Новая техника есть поприще для творчества. Та-

кой взгляд в будущее гораздо более оптимистичен, чем сравнение с прошлым.

Главно, нельзя изображать технику так, как будто она позволяет работающим не думать: нажал кнопку, и вырвет вагон земли, махнул рычажком — уаца, махнул другим — переключок.

К. Становский в своем очерке выдвигает в уста начальника строительства слова: «Трудностей не будет, несмотря на грандиозность работ и их быстрый темп». Думаю, тов. Лопатин говорил не так или в ином смысле. Стратегия и тактика борьбы со стихиями, исследование природы и общества, преодоление технических трудностей есть содержание творчества советских людей.

И важно для очеркиста, жанр которого — на грани между рассказом и исследованием, выникнуть в творческий процесс героев. Шагающий экскаватор совершенен по сравнению со всеми прежде бывшими машинами. Но он не совершенен перед будущим. Больше того, сложное то: он может стать ядром, второе совершенство, если найти способы наилучшего его применения.

Показать этот вид творчества — такую задачу поставил перед собой В. Великий в своих очерках «Коммунисты Волго-Дона». Коммунисты — организаторы всего переломного на великих стройках — рассматривают технику не только как нечто чуждое, но как запалое. Вместе с ними читатель ищет способы увеличить производительность машин, вместе с ними торжествует успех, когда новое открытие возникает и входит в жизнь... Жаль только, что патетическая приподнятость описаний и богатая речь героев у В. Великого часто отзываются на второй план собственно производственные элементы, которые написаны иногда неясно, как, например, эпизод с Михаилом Митрошиным, заставившим экскаватор шагать в сверхтесных условиях. Между тем нельзя по-настоящему показать человека в его техническом творчестве, если не дать ясного представления о предмете его творчества, т. е. о технике.

В этом отношении интересен очерк молодого литератора А. Злобина «Шагающий титан», напечатанный в «Новом мире». Он посвящен работе конструкторов Уралмаша, которые создавали проект шагающего экскаватора, и работе инженеров и рабочих, которые этот проект воплотили в металл. С первых же страниц читатель начинает беспокоиться о судьбе проекта, хотя и знает, что все кончится благо-

лучно. Но перед проектировщиками стояла труднейшая, так неизвестна та область, в которую они вторгаются, и с такой скоростью надо осуществлять завоевание новой техники, что это кажется почти невозможным. А Злобин отлично описывает всю «обую» обстановку, в условиях которой развивается сражение конструкторов с неизвестным. И неизвестное начинает сдавать позиции. Правда, это происходит точками, иногда изобретателям приходится выдерживать жесточайшие контракты и даже отступать. Но командиры находят правильное стратегическое решение, на помощь новаторам конструкторам приходят новаторы рабочие, и завод торжествует победу.

В этом очерке нет никаких поучений, но он лучше всякого поучения говорит нам языком фактов о величии и силе нашего народа — его рабочих, его интеллигенции. Не претендуя ни на какую баллетизацию, он вместе с тем оказывается широчайшим обобщением. Он показывает наши советские масштабы, говорит о наших темпах, о мудрости наших людей, их вере в будущее.

На подступах к коммунизму перед очерковой литературой встает особенно остро и еще одна задача, не менее существенная. Очеркисты привыкли обращать внимание прежде всего на так называемую «производительную сторону» личности. Крайним выражением этого является информация о количестве выработанных работ. Жизнь ставит перед нами сейчас во всей широте и глубине проблему изображения многогранной, духовно богатой личности советского человека. Социализм уже восстал на се. Он готовит ее к переходу в коммунизм. Нелепо думать, что изображение человека может быть ограничено только изображением его производственных успехов.

Вл. Юрезанский изображает начальника геологической экспедиции на Сталинградстрой И. А. Припота, как производственного, и только. Как и полагается в обычных традиционных очерках, мы застаем Припоту склоненным над чертежами, как и полагается, глаза его светятся, согласно всем традициям он спокойно выслушивает сообщения подчиненных и дает точные распоряжения. Юрезанский сообщает краткие анкетные данные о Припоте и заключает его характеристику словами, которые можно было бы написать, даже никогда не видав этого человека.

По тот же Леонид Александрович Припотень на страницах книги В. Галактионова и А. Аграновского выйдает не только «руководящим кадром», но и живым, горячим, полным кипучего оптимизма и всеюлй решимости человеком. Может быть, именно эти-то человеческие черты и сделали из него «руководящий кадр»?

«Шофер выключает фары и молча показывает рукой вперед. Ложе канала светится зеленоватым голубым огнем.

— Пожар?! Припотень высказывает из машины... Мы подбегает ближе, и огонь распускается перед нами. Гарью не пахнет... Сама земля пламенеет шагах в двадцати от нас.

Быстро спускаемся вниз, прыгаем на влажную землю и вдруг оба начинаем хохотать: «Пожарнички! Как же мы забыли об этой балке с супляшками, богатыми фосфором!»

...Вдруг Припотень «с мальчишеским гиканьем прыгает в самый центр «пожара» и начинает топтаться на месте, оставляя светящиеся следы. Из каждого следа к нему медленно тянется фантастический дымок.

— А, может, я великий шаман, — смеется начальник экспедиции, — может, я все могу! — Он подводит ко мне по «горячей земле» и совсем серьезно говорит: — Правь, Василий, у меня сейчас такое настроение, что я действительно все могу!».

Стоит продолжить эту цитату: «Машина несется теперь по ровному шоссе. Впереди зарогается новое, еще более грандиозное зарево. Это Донской строительный район. Там уже начали возводить плотину. И когда мы подыдем ближе и увидим сотни машин, освещенных прожекторами, Припотень наклоняется ко мне и говорит:

— Достроим Волго-Дон, закончим сталинградские изыскания, а сами пойдём на восток — на Енисей, или на Ангару, или на Амур. Поедемь на Амур?»

Люди решают сложнейшие задачи, но они остаются людьми, и человеческие черты их тем дороже для нас, что они принадлежат творцам.

Превосходно написан в «Утре великой стройки» томограф Леонид Павлович Егоров. В нем нет никаких необыкновенных качеств. Он рядовой советский человек. С большим своим семейством приехал Егоров на новое место работы и тутчас устроился здесь как будто на всю жизнь, хотя отлично знал, что это оперной бивуаз,

откуда ему придется скоро уехать на новую стройку. Образ Егорова, настоящего русского человека, скромного, непризвального, талантливого, умеющего превосходно работать и так же хорошо петь песни, входит в повествование о стройке как необходимая его часть, так же, как сам Егоров — необходимый участник великого строительства.

Что помогло авторам сделать столько тонких и точных портретов людей?

Вероятно, обычный метод знакомства очеркиста со своим героем — интервью — уже недостаточен. Недостаточны и рассказы разных людей о том или ином человеке. Должно быть, нужно с этим человеком долго не один котенок ухи, проездить не одну сотню километров ночью на машине, может быть, даже решать вместе с ним какие-нибудь технические или хотя бы организационные вопросы... Только тогда организатор перед писателем те черты, которые создают реальный образ, наполняют рисунок красками жизни.

Любовь и разочарование в любимом человеке, стремление двигаться вперед и испуг, что не вытнуть чрезмерной нагрузки, первые уроки мужества, первые радости успехов — сложное содержание души молодого человека нашего времени — таково глубоко человеческое, трогательное и высококрасивое содержание книги И. Прохниковой о Валентине Хрисановой — «Начало пути».

Для беллетристики внутренний мир героя — в его власти: любое горе, любая радость, любая мечта. А над очеркистом всегда нависает угроза опровержения:

— Я тогда не плакала. Я этого не боялась. И вовсе не пришла в восторг...

И очеркист обязан вымарать все свои домыслы о душевной жизни человека или... переменить его имя и звание, т. е. превратить свой очерк в беллетристику.

И. Прохниковой удалось глубоко изобразить душевную жизнь своих героев. Думается, что автор написала так хорошо о своих героинях потому, что она сама, так сказать, из их компании.

Возможно, что ночные беседы, описанные в книге, были бесдами с ней, с автором очерка, но не как с писателем, а как с подругой

БЕРЛИН В ЭТИ ДНИ

Урзула ШМИТЦ

рабочий класс на государственный переворот Аденауэра».

И еще, на другом заводском дворе люди стоят плечом к плечу... Стоят так тесно, что ни один из господ, собравшихся перед заводскими воротами, ни один из вооруженных дубинками и револьверами полицейских не в состоянии проникнуть на территорию предприятия.

Рабочие и работницы этого завода, принадлежащего концерну «Дорен», собравшись в Темпельгофе, находящемся в американском секторе Западного Берлина, на мощную демонстрацию протеста. Они скандируют хором: «Долой милитаристский «общий договор»! Нам нужен мирный договор!»

Получившие Аденауэра и западноберлинского «бургомистра» Рейтера стоят бессильные, задыхаясь от бешенства. А над площадью, над зданием концерна торжественно несутся слова старой боевой рабочей песни: «Если мы делаем плечом к плечу...» Песня звучит победоносно и разносится по улицам Западного Берлина: «Мы уверены, мы этого добьемся!»

Редакции западноберлинских газет составляют ликующие сообщения о заключении постыдного сепаратного договора. Но вот люди в типографиях Западного Берлина выключили рубильники, остановили машины. Умолкло тиканье лифтов, замерли ротации.

Вместе с десятками тысяч рабочих газетных типографий Западной Германии в стачку протеста включились и полиграфисты западных секторов Берлина. Правящийся империалистам председатели Объединения профсоюзов Западной Германии Фетте не смог воспрепятствовать воле трудящихся. И они отменили двухдневную забастовку на намерение Аденауэра провозгласить через берлинский парламент так называемый закон о внутреннем распорядке на предприятиях, представляющий собой, по сути дела, первый фашистский циркуляр в осуществление милитаристского «общего договора».

Своей забастовкой полиграфисты на два дня заткнули рот всей разбойничьей империалистической западногерманской прессе...

Тем громче звучит в эти дни голос миролюбивого Берлина.

Там, где строители домов на Аллее Сталина установили большую доску с показателями соревнования, двое учеников-подростков укрепили новый красно-белый плакат: «Наши требования о мире и единстве должны сопутствовать делу во имя мира!»

На все новостройках прошли митинги строителей. Камешник Проба поднялся на только что выложенную стену. Товарищи! — говорит он. — Милитаристский «общий договор» — это опасность для наших новых домов здесь, на Аллее Сталина. Первым ответом строителей нового Берлина на государственный переворот Аденауэра должны быть обязательства о соревновании, способные помочь ускорить и улучшить нашу работу.

И эти обязательства поступают тут же. Бригада Монтажа повышает свои нормы на 10 процентов. Бригада камешника Хайне начинает осваивать новый метод кладки — звеньями из двух человек. Наполеону потерявший во время войны трудоспособность камешник Вальтер Рап ставит и заявляет: «Вместе с моей помощницей Хильдой Кроль я буду укладывать 7.000 кирпичей за смену». Бригады Фауст и Земла, в руках которых сейчас находится переходящее красное знамя новостроек Аллее Сталина, обещают на митинге, что к открытию конференции Социалистической единой партии Германии

они закончат кладку четвертого этажа сооружаемого ими дома.

Камешник Отто Мартин на митинге не сказал ничего. А вечером доложил бригадиру Фаусту о своем новом рекорде: он уложил 8.450 кирпичей за смену. Мартин говорит: «Вот так и сооружаем новый Берлин. А Аденауэр пусть знает: если уж тому быть, то я буду защищать этот дом, наш новый Берлин против всех тех, кто намерен нарушить наше мирное строительство...»

В эти дни в Берлине на третий съезд собрался немецкий писатель. Они прибыли с востока и запада страны, чтобы защищать свою родину при помощи слова художника. Здесь Иоганнес Бехер и Вилли Бредель, Георг Шварц и Иоганнес Тралов, Ярма Доос и Анна Зегерс — писатели и поэты миролюбивой Германии.

Общие для всех передовых германских литераторов мысли ярко выразил в своей речи на съезде поэт Стефан Хермлин:

«Мы будем защищать республику вместе со всеми добрыми гражданами республики. Мы будем защищать ее всеми средствами...»

И в настоящий момент, как и прежде, мы считаем мирный договор лучшим и самым здоровым решением. Но что бы ни случилось, мы будем защищать республику, потому что в ее лице мы защищаем все, на что мы надеемся и к чему мы стремимся.

Мы будем защищать республику, потому что в ней мы защищаем смысл нашей национальной литературы и ее будущее. Мы будем защищать республику, потому что она — это мир. Мы защитим республику, потому что мы страстно любим жизнь и не отречемся от нее и от будущего».

Несколько дней тому назад в Берлине закончился большой процесс, на котором Верховный суд Германской Демократической Республики вынес справедливый приговор банде шпионов и диверсантов, орудовавших по заданиям американского и западногерманского империализма.

Шесть членов этой банды пропались в ряды колдовства одного из народных предприятий. Понятно ли нам теперь, что эти преступники были авантюрами милитаристского «общего договора». С этими словами обратился к своим товарищам молодой рабочий Хорст Кайнеке из общезаводского собрания. «Такие убийцы из-за угла и мерзавцы, — продолжал он, — пахтаются ныне вызывать беспорядок и сеять неуверенность, вредить нашему производству, останавливать электростанции... Нам всем надо быть начеку!»

В этот же час рабочие, инженерно-технические работники и служащие электростанции «Кайнтенберг», которая тоже должна была стать объектом диверсии, обязались переработать: «Наша станция должна и дальше работать для мирного строительства. Мы будем защищать ее от всякого врага, который осмелится бы поднять на нее свою грязную лапу».

Словно море волнуется исполнительский стадалон имени Вальтера Ульбрихта, когда подымается десятка тысяч молодых рук, когда десятки тысяч юношей и девушек вскакивают со своих мест...

Молодежь Берлина дала наказ своим делегатам, отправляющимся в Лейпциг на съезд Союза свободной немецкой молодежи. Наказ звучит, как плятка верности делу мира и демократии:

«Если окажется необходимым организовать вооруженную защиту нашей родины против наемных армий империалистов, то мы, молодые сторонники мира, сумеем ее защищать в духе Зон Космодемьянской, в духе Раймонды Лянь, в духе Эрнста Тельмана. Мы добьемся радостного и счастливого будущего в едином и суверенном германском отечестве».

БЕРЛИН, 2 июня. (По телеграфу)

По страницам печати

«Трибуна работница» — Польша; «Руде право» — Чехословакия; «Цзефанжибао» — Китай; «Контемпоранул» — Румыния

Свет в деревне

«Да бросишь ли ты, наконец, эти проклятые чурки! Вот уже сколько дней, как в доме нет ни гроша, а ты каждую ночь переводишь керосин».

«Так в прошлом, — рассказывает газета «Трибуна работница», — ворчала старая Бродова на сына Янека, увлеченного изобретением моделей планеров из чурок. В вечерние часы мальчуган не удавалось заниматься любимым делом. Жечь по вечерам лампу было не по средствам семье лесоруба».

Правительство народной Польши уделяет огромное внимание электрификации деревни. Каждый месяц на карте Польши появляются все новые и новые светящиеся точки — это деревни, где в крестьянских избах вспыхнули электрические лампы.

Сегодня в новой Польше электрифицировано уже около 15 тысяч деревень. И это сделано за 7 лет. При довоенных «темпах» на это потребовалось бы... 300 лет!

А Янек Брода? Что стало с тем маленьким деревенским пареньком, любимым занятием которого было строение планов при тусклом свете керосиновой лампы?

«Ныне Янек работает лаборантом на цементном заводе «Голешов», — пишет «Трибуна работница». — Каждую свободную минуту он посвящает учебе. До глубокой ночи в комнате Янека горит свет. Но это не керосиновая копилка, а настоящая электрическая лампочка».

Стройка дружбы

У подножья Баконских гор, в Иноте, где еще недавно были лишь болота и торфяные мхи, сооружается одна из крупнейших электростанций новой Венгрии. Рядом поднимаются корпуса большого алюминиевого завода. Над главными воротами — лозунг на венгерском и чешском языках: «Да здравствует дружба чехословацкого и венгерского народов».

«Не по дням, а по часам растет стройка в Иноте, — пишет газета «Руде право». — Первые агрегаты электростанции уже дали ток. Пригладитесь внимательно к новейшим машинам, турбинам, котлам и генераторам, сияющим свежей краской. Вы легко узнаете марки чехословацких заводов: ЧКД-Дукла Карлин, ЧКД-Соколов, заводов имени В. И. Ленина в Пльзне, «Транспорт» в Кудиме и других предприятий Иноты — это живое свидетельство венгеро-чехословацкой дружбы».

Вместе с чешскими станками и оборудованием прибыла на стройку из Чехословакии восемьдесят монтажников, чтобы помочь венгерским рабочим.

«Самоотверженный труд венгерских строителей и их чешских и словацких товарищей», — сообщает «Руде право», — дает замечательные результаты. Первый агрегат был пущен на три недели раньше срока. Второй агрегат также вступил в строй задолго до срока».

Венгерское правительство высоко оценило труд чехословацких рабочих и техников. Монтеру Морену, инженеру Ратаю и другим монтажникам вручены ордена Венгерской Народной Республики.

Новатор

Чень Юн-кан

На снимке — крестьянин деревни Чанлоу (провинция Цзясян) Чень Юн-кан, награжденный Народным правительством Китая грамотой за сбор высокого урожая риса. С одной гектары (1/10 гектара) он снял урожай в 1.433 цзяня (цинь) — около 0,6 кг.

«Такого высокого урожая», — пишет газета «Цзефанжибао», — Чень Юн-кан до-

Чень Юн-кан

бился в результате тщательного отбора и улучшения качества семян, умелым орошением и уходом за посевами.

30 лет работал неутомимым опытным на рисовых полях. Но только теперь, при народной власти, его труды получили достойную оценку, ставятся достижениям всех крестьян Китая — газеты разносят опыт Чень Юн-кана по всей стране.

«Когда мы говорим ему, — пишет газета, — что в Советском Союзе рекордная цифра сбора риса с такой же площадью — 1.975 цзяней, и спрашиваем, сможет ли он добиться этого, Чень Юн-кан отвечает: «Со временем, со временем. И в этих его словах звучит вера в успех».

Недавно Чень Юн-кан взял на себя обязательство собрать 1.500 цзяней с 1 му.

Киногородок в Буфте

В чудесном парке, недалеко от Бухареста, в местечке Буфте, на земле одного из бывших помещиц румынского князя Штирбея быстро растут павильоны обширного киногородка. Среди его строителей трудятся и камешник Ника Черника.

«Когда-то Ника Черника работал у Штирбея», — рассказывает журнал «Контемпоранул». — Вместе с другими помощниками Черника с утра до ночи «гулял» сплани на земле князя. Когда пришло время получать плату за свой труд, Чернику, как и других бедняков, часто перекладывали в руки жандармов. Жена камешника была застрелена прислужниками князя в дни засухи, когда, не выдержав мук голода, она решила сорвать яблоко в его саду».

Ныне, в старинном замке, ставшем достоянием народа, артисты, кинорежиссеры, сценаристы и операторы ведут творческую работу. А камешник Ника Черника вместе со своими товарищами возводит на берегах живописного озера стены киностудий. В киногородке будут также построены удобные дома для работников румынской кинематографии.

«Тут у меня дочь работает, — говорит Ника Черника. — Она еще очень молода. Вот строю дома и думаю, что, может, очень скоро в этих стенах зазвучит и голос моей дочери. Не удивляйтесь. Дочурка моя поет, что соловей».

«Можно не сомневаться, — пишет «Контемпоранул», — что мечта камешника осуществится, ибо в новой Румынии культура принадлежит трудящимся. В этом замечательном дворце кино будут расти, подниматься к высотам искусства таланты, рожденные в гуще народа».

Аденауэр подписывает «общий договор»... Рис. худ. И. ИГИНА

КОММЕНТАРИИ ИЗ ЛИШНИ!

Американские государственные деятели любят в своих выступлениях разглаговать на тему о «распутном единстве Западной Европы в рамках атлантического сообщества». Выразительной иллюстрацией к подобным высказываниям может служить приводимая нами цитата из заметки, напечатанной западногерманским реакционным журналом «Дер шпигель» (№ 4 за 1952 год). В этой заметке, посвященной прибытию в Испанию 35 военных кораблей США, между прочим, сообщается:

«В Мадриде американский военноморской аташе ранее конфиденциально заявил: «На этот раз наши люди получили особые инструкции относительно их поведения и отношения к Испании. Они должны вести себя, как в «раногерманских» странах, а не так, как, например, у итальянцев, греков или французов».

Приводим выдержку из короткого сообщения, опубликованного в швейцарской реакционной газете «Вельтвухе» 25 января 1952 года:

«В Мадриде американский военноморской аташе ранее конфиденциально заявил: «На этот раз наши люди получили особые инструкции относительно их поведения и отношения к Испании. Они должны вести себя, как в «раногерманских» странах, а не так, как, например, у итальянцев, греков или французов».

«В Мадриде американский военноморской аташе ранее конфиденциально заявил: «На этот раз наши люди получили особые инструкции относительно их поведения и отношения к Испании. Они должны вести себя, как в «раногерманских» странах, а не так, как, например, у итальянцев, греков или французов».

«В Мадриде американский военноморской аташе ранее конфиденциально заявил: «На этот раз наши люди получили особые инструкции относительно их поведения и отношения к Испании. Они должны вести себя, как в «раногерманских» странах, а не так, как, например, у итальянцев, греков или французов».

«В Мадриде американский военноморской аташе ранее конфиденциально заявил: «На этот раз наши люди получили особые инструкции относительно их поведения и отношения к Испании. Они должны вести себя, как в «раногерманских» странах, а не так, как, например, у итальянцев, греков или французов».

Заметки об очерке

(Окончание. Начало на 2—3-й стр.)

автора была связана с Валентиной Христановой гораздо более тесно, чем блокнотными записями.

Вторжение в жизнь означает прежде всего — пребывание писателя в этой жизни, т. е. человеческое, дружеское, неспешное общение с теми, кто должен стать героями его очерковой работы.

Документальная повесть В. Галактионова и А. Аграновского, книга И. Ирошниковой, очерк К. Львовой «Живые души», документальная повесть И. Горелкина о Г. Бортевиче, документальная работа А. Савуцкого «Рассказы Ивана Коробова» — все это показывает, что и в чисто документальной прозе образы людей могут быть нарисованы глубоко, художественно.

Дело здесь не столько в жанре, сколько в глубине изучения человека.

Несомненно, что очерк, в котором автор изменил имена или изобразил вымышленного героя, сразу освобождает писателя от всяких угроз опровержения. Он предоставляет писателю очень большую свободу в композиции. Он позволяет преодолевать те препятствия, которые стоят перед очерковцом, пишущим полностью документальный очерк, — вроде того, что одно событие предшествовало другому, а автору было бы удобнее расположить их в иной последовательности, или вроде того, что персонажи, разговор которых был бы чрезвычайно выгоден для развития повествования, в действительности никогда друг друга не видели, и т. д. Отсутствие полной документальности, несомненно, позволяет касаться и гораздо более тонких, глубоких областей внутреннего мира человека, так сказать, раскрывать тайники его души. Все это несомненно, но следует помнить, что чисто документальная проза имеет много особенных, ей одной присущих достоинств.

Никто не может отрицать силу факта. Очерк Говарда Фаста «Пяксиял» — один из самых могучих ударов литературы по американскому империализму. Он силен не только тем, что хорошо написан. Главная сила его в том, что он повествует о подлинных фактах.

Книга В. Галактионова и А. Аграновского, как и ряд других очерков, имеет особенное значение именно потому, что она рассказывает о действительно работающих на стройках коммунизма людях так, что миллионы людей, работающих в этих стройках и посылающих на стройки свои машины, станки, материалы, теперь посылают все это как бы своим друзьям и знакомым — людям, которых они лично знают, которым они лично доверяют.

Такой же документальной точностью отличаются и очерк И. Осипова «Остров семи кораблей», напечатанный в «Новом мире». Люди и события, описанные в нем, полностью соответствуют действительности, и вместе с тем это подлинно художественное произведение, с большой силой передающее всю суровость и весь героизм жизни каспийских нефтянков.

Оснащая повествование правдивыми подробностями, свободно выбирая из огромного научного материала наиболее яркие и нужные факты, Осипов рассказывает об исследованиях, попытках, неудачах и победах наших нефтянков, создающих в 50 километрах от берега, в открытом море, новые нефтяные промыслы. Драматические эпизоды очерка говорят нам о мощи объединенных усилий советских людей, о победе их смелой технической мысли.

Очерки о новаторах промышленности и сельского хозяйства на примере жизни подлинных рабочих и колхозников показывают, как можно и нужно бороться за новое и какие возможности дает каждому новатору наш советский строй. Эти очерки вдохновляют множество людей на «ворческие, трудовые подвиги не только у нас, но и в странах народной демократии, где они пользуются большим успехом.

С другой стороны, сейчас, когда силы мировой реакции делают все, чтобы опорочить, оклеветать страну социализма, особенно необходимыми точные материалы о жизни нашего народа. Точная информация, строго документальный художественный очерк, документальные кинофильмы — все это становится могучим оружием в борьбе Советского Союза за мир во всем мире.

Факты жизни говорят за нас, и мы

должны широко извещать мир об этих фактах!

Литературной почвой, на которой вырос очерковый очерк, всегда была и остается газета. Газета воспитала немало отличных очерков.

В минувшем году Сталинской премии была удостоена книга очерков «В дороге и дома» В. Полторацкого, одного из очерков «Известий». Она представляет собой итог журналистской работы автора за послевоенные годы и состоит из небольших произведений, посвященных встречам с самыми разными людьми в самых разных местах нашей Родины, Западной Европы и Америки. Много поезда по свету В. Полторацкий, много узнал, много увидел собственными глазами, а это особенно важно для очерка! Самое лучшее в книге именно то, что было увидено, пережито лично, а не написано на основании материалов. И в этих кратких встречах — с бывшим танкистом, ставшим председателем колхоза; с рыболовом на берегу Сены; с колхозницей Малиновой из села Саметь в самой глубине России; со стокгольмским Андреем в клубке у Королевского моста в Париже — во всех этих образах видят читатели наши дни, мир человеческий и мир капитализма в их жестоком противоречии, в их зримой конкретности.

Отдельными книгами вышли очерки Е. Кригера, П. Белявского — сборники работ, печатавшихся в «Известиях».

К сожалению, наши газеты сейчас публикуют очерки неохотно, редко. Поэтому особенно поучителен пример «Правды», который показывает, как можно и нужно пользоваться очерковым материалом на газетных страницах.

Для «Правды» очерк — не литературное приложение к газетному материалу, не случайный гость, протиснувшийся неожиданно и для редактора и для читателя. Очерк в «Правде» — боевой жанр, столь же необходимый и так же оперативно организуемый, как любая статья, информация, фельетон. Вот почему газета не боится давать большие очерки, даже целые циклы очерков на одну тему, когда это нужно.

К таким смелым «очерковым ударам» относятся очерки Б. Полдорого «Люди строев коммунизма» и очерк А. Колосова и С. Кузьменко «Проктокий Нектов».

Перед Б. Полдорого стояла нелегкая задача — по газетному быстро и кратко написать портреты ярых строителей — водолазов, сварщиков, экскаваторщиков. Многие из этих людей еще очень молоды, жизненного опыта еще не имеют. Многие из них, несомненно, не горазды рассказывать, а Полдорого надо было познакомиться с ними по-газетному быстро. И, несмотря на все эти трудности, советская журналистика получила прекрасный подарок в виде очерков Б. Полдорого. Особенно следует отметить очерк «Водолазы», в котором автор не ограничился показом только своих героев. Он выстроил их изображение в широкую картину прорыва первых вод Дона через Пятилинскую плотину. Он мощно нарисовал это торжество, изобразил его не только в пространстве, но и в истории, и в этом пыльном, многолюдном и величественном фоне воздвиг трех великодушных парней, которые совсем недавно начали свою подвизную жизнь и уже прогрели по всему Волго-Дону, как герои.

Очерк А. Колосова и С. Кузьменко «Проктокий Нектов» тоже несомненно удача. Он посвящен комбайнеру Нектову, герою Отечественной войны, судьба которого в некоторых чертах похожа на судьбу мальчика Маресьева.

Этот очерк написан с былинной картинностью, пожалуй, даже чересчур орнаментально, но превосходным языком.

Содержание этого очерка — не только героизм советского человека, его вера в свои силы, миссия его духа. Речь здесь идет о том, что такое советское общество, в котором не может пропасть человек, какое бы несчастье его ни постигло. Очерк сочетает в себе высокую художественность, большую политическую идею и абсолютную достоверность фактов.

Работники очерка после войны хорошо отвечали требованиям нашей действительности, создав немало отличных очерков на темы колхозной жизни. Внимательны выступления Г. Фомочко, А. Колосова, К. Львовой, Г. Николаевой, О. Бретовой, П. Белявского, П. Рябова и многих других. Совсем недавно колхозная тема задава-

ла тон в документальной прозе. Это было вполне своевременно, потому что деревня переживала новый этап своей истории, и документальная литература не могла остаться в стороне. Пришло даже констатировать, что наши очеркисты чересчур увлеклись деревенской темой и кое-что упустили в области индустрии.

И вот сейчас маятник их интересов резко качнулся в сторону индустриального труда, и мы вынуждены признать, что наша документальная проза допустила непростительную забывчивость в отношении деревенской темы.

За истекший год нельзя назвать ни одного сколько-нибудь глубокого и серьезного очеркового произведения, посвященного важнейшим проблемам деревенской жизни.

А между тем в этой жизни совершаются исторически существующие процессы. Были ли у нас в последнее время опубликованы хорошие очерки, связанные с укрупнением колхозов? Нет, не были. А между тем интереснейшие изменения произошли в деревне в связи с укрупнением.

Написал ли кто-нибудь за истекший год серьезный и глубокий очерк о повышении культурного уровня деревни? Никто не написал.

Описал ли кто-нибудь новые формы научного творчества в деревне, оптимизм, продвижение науки до самых глухих уголков Советского Союза, что является характерным для истекшего года? Известна только одна хорошая работа на эту тему: очерк В. Овечкина и Г. Фипа о Терентии Мальцеве.

Думается, что писательские организации должны поработать над вопросом о том, как направлять очерковую литературу в сторону наиболее важных явлений современности. Мастерство в очерковой литературе не всегда бывает на высоте. Читатели знают и любят П. Белявского, отличного журналиста. Он написал очень содержательный очерк о путешествии в Кара-Кумы. Все описания пейза-

жей все размышления, все события в этом очерке интересны и хорошо написаны. Но беда очерка — в репликах действующих лиц. Куда бы очеркист ни пришел, с кем бы он ни встретился, — все произносится перед ним или торжественные слова или цитаты.

«Большую силу имеет в себе наш народ!», — говорит один.

«Теперь наш народ живет, как одна семья», — говорит другой.

Пожойный упрек можно было бы обратить и к Б. Полдорого. В его очерках тоже встречаются реплики, которые звучат высокопарно и не вяжутся с правдивыми, реалистическими образами людей.

В этих заметках мы не коснулись той обширной очерковой литературы, которую печатают многочисленные тонкие журналы, многие газеты, периферийная печать... В этой литературе часто встречаются плохие, небрежные, холодные, поверхностные работы. Во всех дефектах советской документальной прозы виноваты в первую голову очеркисты. Однако ответственность падает не только на них.

Уже не раз отмечалось, что на наша область литературы так не забыта критикой, как очерк. То же надо сказать и о работах по теории и истории очерка. За минувший год не было опубликовано ни одной фундаментальной статьи ни об очерковой литературе вообще, ни об отдельных произведениях.

С другой стороны, и Союз писателей весьма мало обеспокоен судьбами советской документальной прозы. Дело советской документальной художественной литературы было начато Горьким. Он был его инициатором, большевиком, он был первым критиком с первым наставником очерковиков Притяжалько, строго, как он, относился к своей работе, должны литераторы добиваться, чтобы советский очерк был достойным нашего великого времени, нашего великого народа, о котором и для которого он создается.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИН, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).